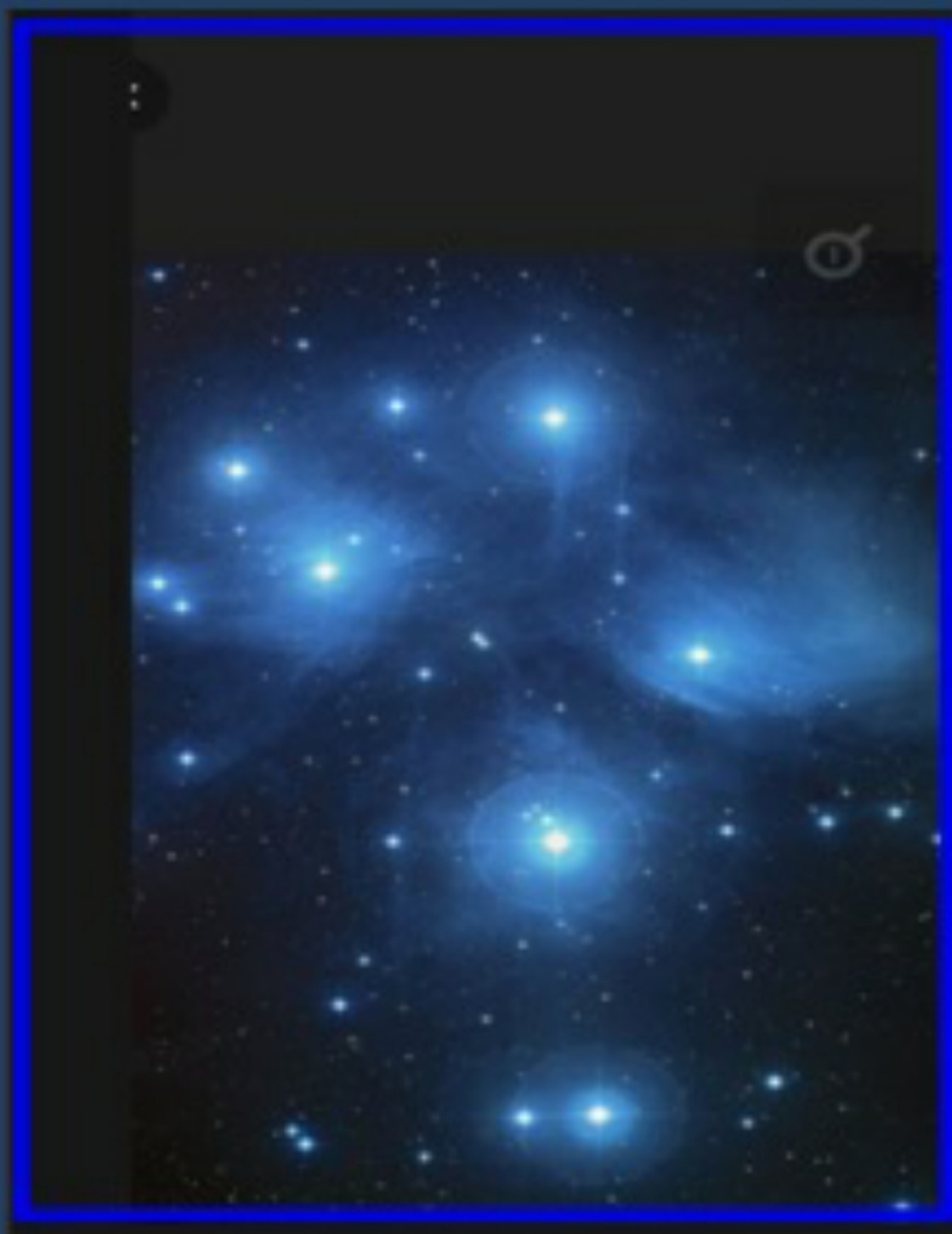

Виктория Наумова

ТОЧКА

Москва, 2020

16+

ВИКТОРИЯ НАУМОВА

Точка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

НАУМОВА В.

Точка / В. НАУМОВА — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В результате эксперимента, связанного с преодолением космического пространства, экипажи двух разных кораблей оказываются в некой точке космоса, не имеющей координат. Судьбы членов экипажа переплетаются самым причудливым образом – и в пространстве, и во времени. Им необходимо найти выход с обратной стороны Мироздания, выход, позволяющий сохранить не только жизнь, но и любовь. Любовь космическая и земная. И - нелюбовь, которая бывает не менее пронзительной, чем любовь...

© НАУМОВА В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

ВИКТОРИЯ НАУМОВА

Точка

2045

Весна в этом году началась, не дождавшись календаря, уже в феврале обрушившись на Калифорнию пышной мимозой, цветущими камелиями и вечерним запахом роз.

Было совсем по-летнему тепло, хотя темнело еще довольно рано, уже в 6 солнце заходило в ярко-красные облака, и сразу же наступала ночь. Лиза Малкин и Билл Смит подъехали к дому, как раз успев до полной темноты полюбоваться уплывающим в залив солнцем. Билл стоял на широкой веранде, привычно любуясь видом. Сквозь верхушки сосен мерцал бликами серо-синий залив, на горизонте висели мосты и далекий призрачный город. Солнце необъяснимо быстро стремилось опуститься в воду, окрашивая все вокруг в нарочито сочные алые тона и окончательно перемешивая небо с землей. За долгие годы жизни на этом холме Билл так и не привык к почти ежевечернему шоу, которым баловал его калифорнийский закат.

–Любуешься? – Лиза тихонько подошла сзади, положив Биллу руку на здоровое плечо. Он сощурился в улыбке, отчего его черное лицо покрылось миллионом мелких морщинок.

–Любуюсь, – хмыкнул он. – А ты все принимаешься?

Лиза нарочито явно повела носом.

– Это невозможно не нюхать. Просто рай земной.

Дворик Билла и правда мог сойти за некую модель Эдема. Окруженный цветущими розовыми кустами и камелией, он оставался защищенным от чужого взгляда. Небольшой ажурный столик, качели под полосатым тентом, фонтанчик в виде классического писающего мальчика – полный набор уютной садовой роскоши мещанина. Не хватало только виноградной лозы над головой. И тем сильнее контрастировал с этим обособленным уютом безграничный вид на залив и все ведущие в город мосты, открывающийся с веранды дома.

Лиза прошла на небольшую кухню. Все было по-прежнему, никаких следов технологических новшеств, заполняющих изо дня в день всеобщий быт. У самой Лизы дома давно была кухня-панель, распознающая голос хозяйки. Достаточно было только озвучить желаемое, и через 5-7 минут заказ возникал на столе. Так же легко можно было разобраться и с посудой, и с продуктами, и с засохшими остатками оброненных макарон на полу. Кухонные роботы – и те давно вышли в тираж, вся техника занимала минимальное пространство, уместившись в единственную и простенькую на первый взгляд панель, скромно примостившуюся в уголке.

У Билла же все было в наличии: и стол, и плита, и холодильник, и старинная кофемашина, ужасно тарахтящая при работе. «Кофе-машина времени какая-то», – усмехнулась Лиза и привычным жестом заложила за ухо непослушную рыжую прядь, щекотавшую кудряшками шею. Ее бледно-зеленые глаза сверкнули в скрытой усмешке, но на сей раз она не стала никак комментировать пристрастие Билла к доисторическому стилю жизни, так как все предыдущие разы это никакого действия не возымело.

–Тебе кофе делать? – крикнула она все еще стоявшему на веранде Смиуту. Тот молча кивнул, полагая, что она непременно высунет нос на веранду, посмотреть, услышал ли он ее вопрос.

–Что ты киваешь, я же на кухне, – пробурчала она, подтверждая его правоту.

–Киваю, что буду кофе, – хмыкнул он, сверкая в сумраке белками глаз. Пока они переговаривались, солнце совсем скрылось, и стало почти совсем темно. – Вообще, сейчас время уже не для кофе. У меня есть отличный бренди.

Лиза поставила кофе и чашки на хлипкий деревянный прилавок, чудом сохранившийся у Смиута на веранде. Мимо них, едва не задев кофейник крылом, пролетел запоздалый орел. Лиза проводила его задумчивым взглядом.

–Попозже. Я еще долго не засну, ты же знаешь. Давай посидим. – Все еще глядя в сторону орла, ответила она.

–Давай. – Билл тяжело сел, притянув стул единственной рукой.

–Ну, рассказывай. Каков план? – Лиза смотрела на него поверх чашки, отчего на ее прозрачно светлом лбу собрались смешные неровные складочки.

–Не морщи лоб. Потом побежишь к косметологу, – по-отечески насмешливо буркнул Смит, но Лиза не отреагировала на полу шутку. В свои 45 она выглядела точно так же, как и в свои 35, да и, пожалуй, что и в 30, и состояние ее кожи ни в коей мере не зависело от мимических привычек, все давно решалось на гораздо более глубинном уровне. Но Билл, как это свойственно пока еще большинству мужчин, в тонкостях современной косметологии не разбирался

–Не переводи тему. Рассказывай, – серьезно сказала Лиза.

–Ну, каков-каков. Прост. Поживем тут пару дней. Потом займешься списком гостей, едой, музыкой. Чтоб все как у людей. Юбилей так юбилей.

Билл смотрел на нее с вызовом. Он прекрасно знал, какое впечатление произведут его слова, и был готов к атаке. Лиз рассмеялась, глядя на его петушиный вид.

–Слушай, Смит. Ну это просто цирк какой-то. Какие гости, какая музыка. У тебя вообще знакомые-то есть? – отсмеявшись, сказала женщина. – Я за все наши 25 лет знакомства видела человек 5, с которыми ты разговаривал. Включая робота-приемщика в прачечной.

– Поверь мне, я не всегда разговариваю при тебе, Лиззи. И когда человеку исполняется 75 лет, уж какой-то круг знакомых всегда наберется, даже если это одинокий однорукый хромым чернокожий программист-пенсионер.

–Ну и что это за круг? – скептически скривила она рот.

–А я набросал тебе там на бумажке. Покажу потом.

–Хорошо. А что за музыка... Ну и вообще, Билли, ну зачем тебе все это надо? – Она даже подалась вперед всем телом, пытаясь как магнитом выудить ответ. Вся эта затея с юбилеем шла категорически вразрез с ее представлением о Билле Смите. К чему эти гости, музыка и прочее, если можно было прекрасно погулять пару дней по заливу или просто поваляться на травке. Теперь она будет вынуждена провести тут как минимум неделю, занимаясь полной ерундой.

–Надо... надо что-то менять, Лиззи. Например, поступать абсолютно не свойственным себе образом.

–Не поздновато? – хмыкнула она и отхлебнула кофе.

–А что меня хоронишь... Я еще строю планы на будущее, выращиваю новую личность...

Они замолчали. «Пару дней мы бы не проболтали, конечно», – думала Лиз. «Не осталось столько тем. Все миллион раз переговорено. Может, и правда, будет вокруг какой-то народ, пусть чужой и никчемный, но разбавит это ощущение вечной неловкости».

А ощущение неловкости возникало между Лиз Малкин и Биллом Смитом всегда. И оба знали, что так будет, но встреч не избегали. В глубине души оба были рады друг другу. И, вероятно, стали бы, в конце концов, очень близкими друзьями, если бы не один вопрос. Так или иначе, он всплывал между ними, на протяжении двадцати последних лет отравляя любое их общение. Последние пару-тройку лет Лиз, потеряв надежду получить от Билла какой-либо ответ, заставила себя хотя бы внешне принять правила игры, усилием воли пресекая временами остро накатовавшее желание пойти по проторенной дорожке, и теперь на месте незаданных ею вопросов образовывалась тишина, что было противней любого скандала и выяснения отношений. Холодная, липкая, отбрасывающая самых близких и любящих друг друга людей на разные стороны планеты Земля.

И сейчас, сидя на веранде Смита, Лиза Малкин уже учуяла запашок этой подкрадывающейся тишины и призывала всю фантазию, выдумывая нейтральные темы для разговора.

–Кстати, – прервал ее напряженные изыскания Билл, – есть еще один момент.

Билл замялся, глядя на нее полу прищуренным глазом. Лиз вопросительно кивнула.

–Ты эту штуку из башки можешь отключить на эту неделю?

–Как это? – она поперхнулась кофе. – Как ты себе это представляешь?

–Ну я-то прекрасно себе это представляю, живу без нее и вполне себя чувствую.

–Билл, я не знаю, как там живешь ты и как справляешься со всеми житейскими задачами, но каким образом ты предлагаешь мне собрать людей, заказать еду, развлечения, музыку, отключившись от сети? – вытаращившись на него на пределе выразительности, выпалила она. То, что этот мега-консерватор отрицает все тенденции современной жизни, она уже впитала и борьбу прекратила. Но тот факт, что он и ей собирается беспредельно усложнить жизнь, вывел ее из себя за долю секунды. Чип, вросленный в височную долю, являлся продолжением ее личности, как и 90 процентов ее современников. Человечество уже почти полностью отказалось от всех гаджетов, вложив информацию всемирной сети непосредственно себе в мозг. Лиз было достаточно мысленно произвести код активации, чтобы любой ее запрос был удовлетворен, начиная от вызова такси и проведения всевозможных видеоконференций, заканчивая онлайн экскурсией в любой музей мира. Стоило удобно расположиться в собственном кресле, и виртуальная реальность окружала носителя чипа. Перед ним пел Карузо, танцевала Плисецкая, таинственно улыбалась Мона Лиза. Последним достижением высоких технологий был эффект осязания, что произвело первым делом взрыв в области порнографии, а потом уже добрело и до науки и искусства. Теперь ни на одной древнегреческой статуе не было таблички «руками не трогать». Экскурсанты получили новую возможность: прикоснуться к отбитой руке Венеры и щелкнуть по истерзанному веками носу Гая Юлия Цезаря. Но, с другой стороны, отключившись от сети, потенциальный пользователь оставался в бессильном одиночестве, полностью лишенный контакта с современниками. Поэтому предложение Билла показалось Лиз не просто наглым, а скорее вызывающе бессмысленным.

–Как ты себе вообще это представляешь? – возмущенно продолжила она.

–Ну я-то жив, как видишь, – хмыкнул Смит. – Я выдам тебе отличное снаряжение. Во-первых, – он назидательно поднял вверх указательный палец, – у меня есть планшет.

–Что у тебя есть? – протянула она, скривившись, будто от изжоги.

–Планшет. Последнее поколение, почти не использованный, ему всего лет 8.

–Держите меня семеро, – выдохнула Лиз по-русски и откинулась в жестком плетеном кресле, выставив вперед то место, на котором у других людей рос живот.

Именно русский был ее первым языком. Семья Лизы Малкиной эмигрировала в Израиль из Петербурга, когда Лизе было пять лет, и она не просто «уже умела разговаривать», а излагала свои мысли на цветистом, красивом русском, обогащенном бабушкиными одесскими фразеологизмами и семейным фольклором. «Интересно девки пляшут», – задумчиво тянула нежная золотистая девочка, глядя на конструкцию из лего. Говоря откровенно, лего у Лизы Малкиной запросто никогда не складывался, не было у них с конструктором взаимопонимания. Равно как и с пазлами и головоломками. Куклы, только куклы и их платья составляли Лизин мир.

Переехав в Израиль, она быстро подхватила и иврит, и английский, походя выучив еще пару языков. Но дома всегда был только русский. И родители, и тем более бабушка с дедушкой были абсолютно не готовы впускать в свой мир что-то новое. Родители, конечно, овладели ивритом, они были еще достаточно молоды, бабушка же и дедушка до смерти говорили только по-русски, вставляя в него легкий одесский намек на идиш.

–Зря ты так, – возразил обидевшийся за планшет Смит. За годы общения с ней он уже вполне понимал большую часть ее «непереводимого русского фольклора». А если и не понимал дословно, то в точности улавливал интонацию. «Отличный мужик этот твой Билл», – говорила бабушка, глядя на блестящее черное лицо Билла, сверкающее белозубой улыбкой. «Жаль,

что не еврей. И добрый, и тебя любит». Лиза краснела, пыхла, делала огромные глаза. Ей было 17, над ней занималась весна, рядом был неожиданно свалившийся на ее рыжую голову таинственный будущий муж, и никого, кроме этого принца ее глупые глаза не видели. А стоило перестать ими хлопать хотя б на секунду, и этой глупости Лиза Малкин простить себе была не в состоянии. На ее будущего супруга бабуля смотрела без всякой симпатии. Но молчала, понимая, что услышана не будет.

–Зря-зря, планшет – отличная вещь. Сядем с тобой рядом, напишем...

–Напишем??? – она снова вытаращила глаза, возвращенная на землю предложением написать что-либо своими руками.

–Ну, надиктуем, конечно. Пошлем, одним словом, всем приглашения, оформим заказы. Я буду рядом, если ты не разберешься. Единственное что... У меня там блок на новости стоит, так что развлекаться на нем не выйдет, все только по делу.

–А как ты вообще с миром общаешься, если даже новости не смотришь? – устало протянула Малкин.

–А я иногда включаю. Раз в неделю, по субботам. Чтоб держать нос по ветру, – засмеялся Смит. Его зубы и белки глаз так ярко сверкнули в темноте, что Лиза улыбнулась. «Точно как в мультике», – мелькнуло в голове.

–Ты пойми, Лиззи. Я хочу тишины. Полной тишины. И для тебя тоже, хотя бы одну неделю. Без информации, без стресса, без впечатлений...

–И при этом хочешь набить дом полужнакомыми людьми, – фыркнула она.

–Не дом. Ты снимешь уютный ресторанчик.

Она снова закатила глаза, но говорить ничего не стала. Спорить было бесполезно, она уже попала в этот капкан. Судя по всему, она всю неделю будет торчать в этой глухомани, отслеживая на старинном планшете готовность закусок и музыки.

–Слушай, Билл. Ты тут вообще хоть как-то развлекаешься?

–Иногда. У меня тут все свое: книги, диски. Вон, даже телевизор... – Он замаялся и отвел глаза. – Да, был, до недавнего времени, пока пульт не потерялся. Теперь висит, чтоб глазам пусто не было.

–Диски, телевизор, пульт... – задумчиво протянула Лиза. – И что ты с ним делаешь?

–Кино смотрю, – засмеялся он.

–Плоское? – с трудом подобрала слова Лиза. – Движущаяся картинка?

–Ага, ожившее фото, если тебе угодно. Невероятная прелесть.

–Ну да, в твои времена-то только так и было, как я понимаю, – нарочито противно хихикнула Лиз. – Ты на сколько меня старше?

–Да ровесники практически, считай, – откинувшись назад к перилам, со странной печалью ответил Билл.

–Практически – да. А теоретически, если тебе 75, то родился ты у нас в 1968? Так?

Смит кивнул, по-прежнему глядя на нее с печальной нежностью. Таким взглядом любящие бабушки смотрят на решившего жениться внука. Лиз, не обращая внимания на его выражение лица, продолжала подсчеты.

–То есть ты такие фильмы смотрел лет до 40ка? Не принимая участия в процессе, просто наблюдая за сюжетом?

–Да, – кивнул он, – Честно следовал за авторским замыслом. Но хочу заметить, что у нас на задворках солнечной Джорджии такие фильмы до сих пор в моде. А в моем детстве и такие не часто перепали, лишних монет в доме не водилось. Вообще, – задумчиво продолжал Билл, – если бы не армия, у меня были бы все шансы смотреть кино в исправительном заведении неподалеку от Чарльстона.

Лиз помолчала, рассматривая его, словно впервые поняла, какая пропасть между их молодостью и детскими впечатлениями. Что человек, живой, реальный, сидящий перед ней,

собственным пальцем крутил диск телефонного аппарата, подходил к огромному телевизионному ящику переключать тумблер каналов, пешком отправлялся в библиотеку при необходимости получить информацию. И бегал с мальчишками во дворе, не согласовывая время для игры с родителями приятелей. У нее вдруг возникло ощущение, что ее старинный Билл и не Билл вовсе, а экспонат в одном из музеев мира, и место ему на витрине рядом с дисковым телефонным аппаратом. Или в старом кино, ампула «забавный, но ужасно обаятельный друг главного героя».

–Знаешь, сейчас новая фишка. Можно стать действующим лицом в старом фильме, – продолжила она вслух.

–Вроде давно уже можно, – сдвинул брови Смит.

–Нет, давно можно в новых эпизодах. А в старом кино только сейчас стало. Кстати, очень увлекательно, – косясь на экран, висящий на кухонной стене, протянула она.

–И какой твой любимый эпизод?

Лиза пожала плечами.

–Я как-то... стесняюсь, что ли... Лезть в чужие взаимоотношения. – Одна ее рыжая бровь вздернулась вверх, гася улыбку. – А вот мама моя ходит регулярно. Собственно, я с ней туда и попала. Так она то Ретту Баттлеру на лестнице кричит: «Она беременна, идиот!», то бревно для Джека Доусона добудет, чтоб не замерз. В ледяной воде Атлантики, между прочим. Потом неделю с простудой валялась. Психосоматика сильная. –Лиза, наконец, открыто рассмеялась, не в силах больше сдерживаться.

–Да, телевизор проигрывает, надо признать, – хмыкнул в ответ Билл.

–Я тут все-таки один раз сама не удержалась, сходила. «Корабль Мечты», слышал о таком?

Смит не отвечал, словно вдруг заснул с открытыми глазами, уставившись прямо перед собой.

–Ау, есть кто на палубе? – Лиз низко нагнулась над столом, шутливо пытаюсь поймать взгляд мужчины. – Ты куда улетел вдруг?

–Никуда, я здесь, – механическим голосом ответил Смит. Лиза с удивлением всматривалась в его онемевшее лицо, еще секунду назад такое иронично-живое и вполне человеческое.

–Ты чего вдруг так напрягся? Это реклама такая сейчас идет. Они построили какой-то нечеловечески огромный космический корабль, супер комфортабельный, и предлагают выход в открытый космос в нем. Ну и был рекламный ролик, там можно было внутри походить.

–Походила? – тихо спросил Билл. Он уже снова смотрел на свою собеседницу, но лицо по-прежнему оставалось парализованным.

–Да, – протянула она, демонстрируя тихое восхищение. – Вещь, надо сказать. Большой. Пустой пока, но скоро будут уже финальные продажи билетов, так что за их рекламу я не беспокоюсь, все будет по полной программе, с песнями и бубнами.

–Ну вот от всего этого я и хочу тебя оградить, – с наигранной отеческой заботой сказал ей Билл и даже взял за руку, перегнувшись через столик. – Не надо рекламы, шума, суеты. Поживи в тишине, подыши розами. Завтра погуляем по заливу. В реальном мире, без оплаченных галлюцинаций и прочих дешевых иллюзий. Смотри, какая красота, – он кивнул на тысячи разноцветных огоньков, раскинувшихся там, где еще час назад горело над водой солнце. – Хочешь бренди?

Лиза молча кивнула. А ведь действительно – как хорошо. Просто хорошо, спокойно, ароматно, вкусно, тепло. И завтра будет также. Она проговорила мысленно код и отключила себя от мировой сети.

В ушах стоял звон от беззвучно закрытой Анной двери. Каждый его мускул сжался, ощущая, словно в замедленной съемке, как уменьшается просвет между его частью вселенной и вселенной его жены, рассекаемой надвое этой простейшей перегородкой.

Тихий скрип двери звенел в мозгу. Когда скрежет в виске немного унялся, Орлиевский заставил себя отвернуться и сделал несколько шагов вглубь комнаты. Легкий шорох воды в бассейне приятно контрастировал с кричащими нервами. Он остановился на краю бассейна, потом резко скинул с себя халат и прыгнул в темно синюю гладкую воду. Синтетическая тяжелая жижа обволокла тело, ощутимо снимая спазм, все еще не позволяющий дышать. Григорий замер, раскинув руки морской звездой, расслабив каждую мышцу. Сквозь полумрак огромной сумрачной гостиной в такт волне раскачивались светильники и толстые деревянные балки потолка. Вся комната превратилась в огромный старый корабль, медленно катящийся по волнам.

К Орлиевскому постепенно возвращалась способность мыслить и дышать. После каждой очередной ссоры с женой он приходил в себя все дольше, словно Анна вытягивала из него саму способность мыслить и существовать. Он терял ощущение реальности пространства. И происходило это все чаще, резче, злее и неизбежнее.

Он пробыл в бассейне не менее получаса. Выбравшись, щелчком отключил режим волны, и темно-синяя гладь застыла, превратившись в огромное зеркало. Орлиевский набросил на себя халат и вышел на улицу. Вся природа вокруг улыбалась и нежно шептала ему: «Приветствую тебя на юге Франции, мой дорогой». Солнце грело, ветер дул, деревья зеленели, цветы цвели. А главное, все вокруг было абсолютно настоящее, живое, ароматное. Никакой синтетики, эффектов погружения и прочей виртуальной реальности. Ему всегда здесь было хорошо. Как-то особенно радостно. Всегда, вплоть до сегодняшнего дня. Этот дом теперь тоже не помогал, последнее место, на которое он так рассчитывал. Они совсем не могли разговаривать. Каждая его фраза, каждая тема таила в себе угрозу войны.

Собственно, именно та тема, из-за которой состоялся этот разговор, изначально не могла не вызвать бурной дискуссии с последствиями, но Григорий рассчитывал хотя бы на попытку понять ситуацию. Зря рассчитывал. Совершенно напрасно.

Анна смотрела на него широко открытыми черными глазами, обдавая смесью насмешки и раздражения. Под этим взглядом он чувствовал себя не сероглазым черноволосым атлетом, а мелким гномом, пытающимся отобрать у заблудившихся в лесу голодных детей жухлый гриб.

Анна медленно отхлебнула какую-то зеленую смесь из бокала и, закинув ногу на ногу, откинулась в бархат огромного старинного кресла, приобретенного вместе со всем интерьером их столетнего дома.

–То есть, на козах не вышло попробовать, Тамерлан решил не мяться и перейти сразу к людям?

–Он утверждает, что это бесполезно делать без присутствия человека. Нужен рассказ.

–Ну да. Рассказ. Аудио и видеозаписи мало, антенн, сенсоров, датчиков, тысячи разных новомодных штук. Всего арсенала Транс Атлантического Космического Альянса и двух коз в придачу, обмотанных проводами.

Орлиевский встал и потряс по очереди каждой ногой. Мышцы сводило.

–Давай сначала. Во-первых, ТАКА отказывает ему в продолжении эксперимента и берет новый проект.

–Это справедливое решение, – подчеркнуто серьезно кивнула Анна.

–Он же говорит, что они не учли многих факторов...

–Я слышала только про один фактор, – резко прервала она, ставя бокал на пол рядом с креслом. – У него заканчивается горючее. Он готовит пространственный переход, использует свое зелье-биоускоритель, оснащает этот корабль всем, чем можно в наше время, и сажает туда

животных. И единственный результат этого полета – неожиданно большой расход горючего. И никаких параллельных вселенных.

– Да. Но если бы в полете действительно ничего не произошло, они вернулись бы сами.

– В полете действительно ничего не произошло. И ТАКА тоже решил, что ничего не произошло. Даже козы живы и здоровы. А Тамерлан твой просто свихнулся в последнее время. У него давно все признаки Альцгеймера и налицо и на лице!

На ее же собственном лице не было ничего, кроме откровенного раздражения. На какую-то секунду Орлиевский замер, разглядывая ее. Удивительное лицо, которое одинаково прекрасно в любви, ненависти, радости, ярости. Лицо – магнит, лицо – загадка, заставляющее смотреть и восхищаться.

– А самое главное, что у него хватает наглости просить не только твой корабль, а самого тебя! – продолжала она. – Полети, мол, посмотри, можно ли пройти сквозь кротовую нору на моей супер смеси – какой же я все-таки восхитительный! – или все-таки идея не работает! Рискуй жизнью, имуществом, пойди против ТАКА, они же в восторг придут от такой самостоятельности. И вот что еще, – Анна подалась всем телом вперед, – а если эксперимент удастся и мы все-таки рванем на ту сторону вселенной – а обратный билет есть? Или one way ticket?

– Есть, рассчитан эффект обратной петли. И к тому же Тамерлан уверен, что все будет так же точно, как и эти последние 2 раза, надо просто засечь все, что происходит в процессе. Не приборами. Телом.

– Не моим, командир. Не моим. Мое тело останется здесь, на юге Франции. Мое тело устало от идей и затей. Оно устало от ночи, холода, комбинезона, невесомости и тяжелых ног. И еще оно устало от тебя.

Последняя фраза была чем-то новым в их отношениях. Это был открытый и совершенно недвусмысленный шаг, шаг от него. А к этому капитан еще не успел приготовиться.

– Такое ощущение, – проговорил он после паузы, – что ты сейчас говоришь не только об эксперименте Тамика.

Анна молчала. Все чувства сошли с ее лица. Оно было привычно замершим и холодным, как и почти все последнее время их жизни. Наконец, она перевела взгляд на стоящего над ней мужа. Резко встала, захватив зеленый бокал и уже отвернувшись, бросила через плечо:

– Я не полечу. Делай, как хочешь.

– Что значит, как хочешь?.. – Дыхание перехватило, вопрос вышел свистящим и особенно беспомощным.

– То и значит. Мы не привязаны цепями. Хочешь – лети.

И тихо прикрыла за собой дверь.

Григорий откинулся на спинку изогнутого плетеного кресла. Хотелось не думать, ну могут же йоги не думать. От постоянных размышлений он начал чувствовать себя стариком. Весь последний месяц он просидел у этого бассейна в бесконечных размышлениях, время от времени ведя долгий и бесполезный, зато реальный, в отличие от внутреннего, диалог с Тамерланом. Все становилось только хуже, и даже этот волшебный дом уж не помогал. С шумом выдохнув, Григорий прикрыл глаза и начал демонстративно тупым образом проговаривать про себя цифры, изгоняя саму возможность размышлять, а вместе с ней главную мысль, самую мучительную и привычную.

Вызов прозвучал, когда Орлиевский почти совсем заснул под послеобеденным солнцем.

С трудом приоткрыв один глаз, он разглядел силуэт Адэхи Родригеса, сидевшего напротив него с прямой спиной и сложенными на коленях руками.

– Привет. Ты как школьник.

–Все привыкаю к этой штуке, – смущенно пробормотал индеец, пытаясь принять более расслабленную позу.

–Ты можешь выставить позу в настройках, и являйся хоть в образе балерины, даже если ты лежишь в ванне в этот момент.

–Представьте меня голым в ванне, – усмехнулся индеец. – Ладно, поизучаю.

Голограмма пошевелилась, замерцала и явно собралась исчезнуть.

–Эй, давай потом изучай. Чего сказать хотел?

Адэхи снова сидел как гимназист, аккуратно выпрямив спину.

–Я про Илью, капитан.

«Наверное, это самый поганый день с послевоенных времен», – пронеслось в голове у Орлиевского. Судя по тону механика, про Илью он собрался сказать, что нога не приживается.

–Нога не прижилась, капитан. Он снова лежит.

Индеец замолчал, его изображение в меру тоскливо смотрело в капитана сквозь космос.

–Это уже вторая выращенная голень, – заговорил он снова. – Шансов уже почти нет. Ну и денег...

–Где он сейчас?

–Где-то на севере. Не помню точно, Осло, Рейкьявик... Где-то там. Он не выходит на связь.

–Какая-то маниакальная страсть к холоду, – пробормотал Орлиевский. – Как ты узнал?

–Его врач держит меня в курсе. Они предлагают протез, но вы сами понимаете...

–Что я понимаю? – Григорий почти закричал. Он прекрасно все понимал. Никакой протез Илья не примет. Ни один в мире. Сознание собственной неполноценности не даст ему сделать ни одного шага, даже если установить в протез шагающий реактивный двигатель. Он это знал, и Адэхи это знал, и Анна... Капитан заставил себя сделать паузу и заговорил ровно и тускло.

–Сейчас такие протезы, что лучше своих собственных.

–Вы знаете Илью, он не выдержит... То есть, выдержит, но к нам, к полетам не вернется.

Орлиевский вскочил и нервно топтался вокруг голограммы Адэхи

–Капитан, – жалобно попросил тот, – изображение трясется.

Капитан заставил себя сесть, расставил ноги и оперся локтями в колени.

–Это просто голень. Люди нарочно ставят себе металлические части тела. Это же круто...

Такие возможности... – бормотал он

–Он не хочет ни с кем говорить. Рассел, его врач, говорит, что он отказывается ухаживать за собой, не встает. Ни с кем не поддерживает связь. Пока его готовили и после пересадки еще разговаривал, а с той недели вообще никакой активности. Гриша... Я вот думаю...

Индеец очень редко называл Орлиевского «Гриша». И это прозвучало как-то особенно бессильно.

–Хочешь, чтобы я слетал?

–А это возможно?

–Он отправит меня вон. Точно.

Оба замолчали. Два силуэта, призрачный и настоящий, один огромный, мощный, словно далекая гора, с прямой спиной школьника и плотно сдвинутыми мускулистыми коленями, второй со склоненной на кулак головой и опущенными плечами. Солнце садилось, в воздухе особенно остро пахло розами.

–Я полечу. Завтра. Говори куда, – проговорил Григорий, не меняя позы, лишь вскинув на Адэхи глаза.

–Я шлю адрес, – голограмма чуть шевельнула кулаком. Орлиевский кивнул, подтверждая получение. – Капитан... Я с вами? – тихо спросил механик.

–Да, – коротко бросил Орлиевский. Так будет легче. Хоть немного легче.

Собачий холод. Снег, больно царапающий лицо, ветер. Пальцы ног стыннут, как в московском детстве в меховых ботинках.

Российская зима прочно засела в его памяти. При слове «снег» он снова чувствовал себя десятилетним пацаном, ждущим автобус в черные 8 утра. На дворе 2002 год, холод, ночь, застывшие ступни и цыпки на руках. Уже будучи здоровым, богатым, свободным от всевозможных проблем с перемещением по земному шару сорокалетним мужиком, Орлиевский всегда подсознательно искал теплые и абсолютно бесснежные части планеты. Никакие горнолыжные курорты не могли его соблазнить ни адреналином полета – спуска, ни волшебством пресловутой зимней сказки. Даже к Новому году он относился весьма прохладно.

Он примерно представлял себе, что за погода его ждет в марте в Хельсинки, но действительность оказалось еще жестче. Он попытался стянуть капюшон шнурком вокруг самого носа, чтоб даже запах холода не проникал в его комбинезон, но так было совсем плохо видно, да и не слышно слов Родригеса. А тот как раз рассказывал ему, как долго еще придется мучиться на морозе.

–Две минуты потерпи, капитан. Сейчас дадут такси.

Они только вышли из общего холла порта Хельсинки и шли в рукав к городскому транспорту. До беспилотного такси оставалось метров 50 по морозцу. Но и этого Орлиевскому было более чем достаточно. Он поймал себя на том, что уже очень давно не ходил пешком по незнакомым улицам, даже по пассажирской части аэропорта. Вся жизнь проходила на его собственном шаттле, среди знакомых до миллиметра коридоров транспортных ангаров, переходов, роботов-погрузчиков и звуков системы-координатора. Один и тот же пейзаж и перед глазами, и в ушах.

Эта мысль заставила его немножко ослабить шнурок на носу, чтобы рассмотреть хоть что-то на этой новой точке пребывания, но не увидел ничего, кроме стен транспортного ангара и мерцающих огоньков координирующей системы. Уже через секунду перед ними приземлялось такси. Маленький беленький самолетик, только без кабины пилота и окошек иллюминаторов. Юркий, гладкий, аккуратный, рассчитанный на 4 пассажиров, он вежливо пробормотал приветствие, предложил располагаться поудобнее, после чего щелкнул клапан безопасности на каждом кресле, и такси поднялось в воздух. Весь полет занял не более 10 минут, под тихую музыку и едва заметную вибрацию полета Григорию очень хотелось вздремнуть, но он держался. Было тревожно и абсолютно не понятно, что их ждет по прибытию в госпиталь.

Доктор Генри Рассел, высокий узкий англичанин, пожевал тонкими сухими губами и поднял свои пронзительные синие глаза на Григория.

–Меня сейчас беспокоит не столько его нога, сколько его ментальное здоровье.

Орлиевскому было невыносимо душно под этим взглядом. При общении с Расселом ему всегда приходила в голову мысль, что скоро землю заполонят биороботы. Или биолюди, называть можно как удобней. Генри Рассел был живым существом, рожденным женщиной-англичанкой в конце 20го века, и не имел никакого отношения к биоорганизмам, не считая того, что писал на эту тему докторскую и был одним из ведущих специалистов по выращиванию органов. И тем не менее, мысль об искусственной жизни неизменно возникала в голове Орлиевского при взгляде в синие глаза врача.

–Именно ментальное, – повторил Рассел. – Неудачи бывают. Отторжение редко, но имеет место. Но такой категорический отказ от всех вариантов протезирования – это показатель психологических проблем. – Доктор крякнул и пожевал губами. – В его возрасте выбор остаться лежачим инвалидом невозможен. Противоестественен. И для меня непостижим.

–Вы знаете, какие сейчас протезы? – продолжил он после паузы.

Орлиевский кивнул. Он знал. Непосвященный человек и не понял бы, что перед ним калека без ноги, даже если тому бы вздумалось «пробежаться по траве босиком». В шортах и вьетнамках.

–Никто же в жизни не поймет. Ни одна дама, если вашего его именно это интересует. Ни малейшего дискомфорта. Минимальный уход.

–Я все понимаю, доктор,– прервал его капитан. – Проблема в том, что у Ильи ... У него свое отношение к целостности тела.

Перед глазами Григория со свистом пронеслась оторванная рука женщины и ударила в лицо 16летнего лежащего на рухнувшем столе Ильи. Кровавые брызги, визг снарядов. И вой подростка, покрытого кусками мяса живой еще мгновение назад соседки по утреннему кофе.

Трижды моргнув, Орлиевский снова увидел перед собой глаза врача.

–Ему как-то пришлось увидеть...то, что не полагается в юном возрасте видеть... Считайте это психотравмой, но он не согласится никогда на инородный предмет в своем теле.

Наступила тишина. Слышен был только дальний отзвук шагов за дверями кабинета, там шла тихая неторопливая жизнь одного из самых дорогих госпиталей планеты.

–Есть еще один вариант, – сказал Рассел после паузы. – Очень дорогостоящий, но беспрюграммный.

Слышать о «дорогом варианте» в этом заведении было жутковато. Все предыдущие процедуры за этот год назвать малобюджетными не решился бы ни один миллионер. Орлиевский выпрямил спину и откинулся на стуле, сложив руки на груди. Родригес, все время просидевший не шелохнувшись, вздохнул и слегка пошевелился, не меняя позы.

–Какой вариант? – сухо спросил Григорий.

–Обе предыдущие голени были выращены из ДНК пациента в лаборатории, в пробирке. Потом происходил процесс приживления, не увенчавшийся успехом. Это бывает крайне редко, но в нашем случае произошло оба раза, что повлекло за собой удаление воспаленного края культи, и зона ампутации уже практически достигла колена. То есть третья попытка крайне нежелательна и малоперспективна. Но есть другой метод. – Рассел помолчал, словно подбирая слова.

–Есть вариант выращивания плоти непосредственно на пациенте. Нога помещается в мини-инкубатор, вакуумную лабораторию, которая крепится к культе. И под воздействием определенных культур плоть нарастает. То есть, просто говоря, отрастает новая нога, полностью копирующая предыдущую. Своя, живая.

Адэхи шумно втянул носом воздух. Орлиевский глядел на врача с такой подозрительностью, будто тот наперсточник на углу Тверской из конца российских девяностых. Рассел усмехнулся, глядя на его кислую мину.

–Я знаю, это не вызывает доверия, но в мире проведено уже около 50 таких манипуляций. Информация не выносится на публику в связи с некоторыми юридическими сложностями... Но процедуры идут. Вот, почитайте.

Рассел щелкнул пальцами, и перед глазами астронавтов возникла виртуальная панель с изображениями и текстом. Описание и история новейшего метода, отзывы счастливых обладателей рук и ног, живые фото, радостный смех за кадром. Дав клиентам на изучение несколько минут, доктор снова в прямом смысле слова мановением руки удалил панель.

–У этого метода есть один очень важный плюс, – продолжил он. –Невозможность неудачи. То есть плоть нарастает у всех. У кого-то быстрее, у кого-то медленнее. Но у всех. От 5 до 15 см за месяц. Но даже если это будет 3 см, то все равно, в конце концов, нога появится. Но есть и один важный минус.

Рассел махнул рукой, начертил в воздухе перед лицами Григория и Адэхи цифру.

–Это цена манипуляции.

Повисла тишина. Старинное высказывание «стоит, как космический корабль», перестало быть гиперболой и обрело абсолютно реалистичные черты.

Первым, тихонько подвинув застрявшую тишину, заговорил Адэхи:

–Вы же не будете продавать «Венеру», капитан?

–Это было бы уже системой, Адэхи, менять шаттлы на органы, – усмехнулся Орлиевский.

–Я прекрасно вас понимаю, Григорий, – вступил в разговор профессор, – Я помню историю с поджелудочной. Поэтому и возлагал такие надежды на выращенную голень. Но вы тогда попали в самый эпицентр распада системы страхования, была полная неразбериха, отсюда и цена. Надо заметить, крушение это было неизбежно. Мне жаль, что все так сложилось... – Рассел сочувственно помолчал. Точно такое выражение лица у доктора было и тогда, 7 лет назад, когда он озвучивал капитану цену жизни Родригеса.

–Конечно, всегда хочется поступить экономически разумно, – продолжал врач, – но в данной ситуации я вынужден поставить вас в известность о такой возможности. Он очень в плохом состоянии, Григорий, – добавил Рассел после паузы. – Ему нужны хорошие новости.

–Я подумаю, Генри, – Орлиевский встал, протянул руку поднявшемуся ему навстречу врачу. Пожав руки Григория и Адэхи, Генри Рассел еще раз включил панель. Возникло лицо молодого человека, бледное, заросшее щетиной, с синевой вокруг тусклых глаз.

–Вы к нему зайдете?

–За этим летели, – ответил Родригес, закусив губу. Орлиевский только кивнул и направился к выходу.

Комната Ильи выглядела абсолютно по-больничному. Никакого намека на уют человеческого жилища.

Белые стены, окна с металлическим жалюзи, аскетичная малочисленная мебель. Пусто, чисто, прохладно. Илья лежал на высокой кровати, на первый взгляд ничем не примечательной. Только человек, посвященный в тонкости, понял бы, что она совмещает в себе все последние технологии. И, следовательно, все возможные удобства для лежачего больного, от столовой до туалета и гигиенической комнаты. Именно этот факт произвел на Орлиевского наихудшее впечатление.

–Он что, вообще не встает? – спросил он Рассела. Они стояли на пороге, глядя на спящего парня. Собственно, возраст лежащего определить было практически невозможно из-за густой свалывшейся бороды и глубокой морщины на лбу.

Рассел покачал головой.

–Не встает. Ни по какому поводу. Почти не ест, только пьет. Даем коктейли, насколько возможно.

Григорий слушал врача, не сводя глаз с лица Ильи. Родригес стоял, прислонившись спиной к дверному косяку. На лице его застыло выражение какого-то виноватого отчаяния, словно его мучает перегруженный накануне желудок.

Наконец, капитан подошел к кровати вплотную и тихо выдохнул.

–Илья?

Тот приоткрыл глаза, не понимая спросонья, кто над ним стоит. Потом слегка подтянулся на кровати, опираясь на локоть, и брезгливо спросил

–Х...(чего) надо?

–Шоколада, – в тон ему ответил Орлиевский, обретая от этого тона почву под ногами. – Гниешь себе?

Илья помолчал, безразлично глядя ему в лицо, и откинулся на спину, игнорируя вопрос капитана.

–Ну полежи, полежи, погадь под себя.

–Ты чего приперся-то сюда? На такой мороз, – безразлично спросил второй пилот транспортного шаттла «Венера».

–Гуляю я, это ж ясно.

–И громилу с собой притащил. У него ж последний мозг заледенеет.

–У него большой объем мозга, в середине останется жидкий, – утешил его Орлиевский, незаметно кивнув Расселу, чтобы тот вышел. Когда за врачом закрылась дверь, капитан присел на пластиковую тумбу рядом с кроватью, а Родригес подошел ближе и замер, нависая над обоими собеседниками.

–Есть новости, Номер 2.

–У кого? – криво усмехнулся по-прежнему навзничь лежащий Илья.

–У тебя.

–Я не буду носить протез, Гиня, не утруждайся.

Гиня... Это был единственный субъект на свете, который мог называть его таким дурацким образом. То есть, только так он и называл Орлиевского с того самого момента, как появился на свет. Сначала Илья мычал, агукал и бебекал, потом называл двоюродного брата Ия, а потом уже и Гиня, на чем и остановился на всю последующую жизнь. А жизнь их далеко разводить не собиралась, хоть и разница между братьями была 15 лет, то есть считай целое поколение. Их отцы общались очень плотно, дружили, имели общий бизнес, так что встречались Гиня и Илюха частенько. Единственное долгое расставание было на период учебы Орлиевского в Калифорнийском технологическом, куда Григорий уехал учиться после третьего курса взятого штурмом Физтеха, в который его отец всевозможными пинками, угрозами, подкупом и шантажом – то есть полным арсеналом родителя и педагога – заставил поступить, напрягая весь интеллектуальный потенциал. Надо сказать, что поступить в Физтех было весьма непросто, так что напрячься пришлось ощутимо. Но потом, уже во время учебы и после окончания, Григорий ни на секунду не пожалел о тяжелой подготовке. Годы, проведенные в общаге в Долгопрудном, наверное, были самыми насыщенными за всю его жизнь. И зачатки понимания того, чем будет наполнено его ближайшее и не ближайшее будущее, сформировались именно там, когда они с Тамерланом Магометовым, насмотревшись сериал «Светлячок», сидели в прокуренном полуподвальном закутке, высчитывая свои первые идеи-зарисовки космического аппарата, способного на сверхдальние полеты, со взлетом и посадкой в любой местности, без огромных космодромов, огненных запусков и отбрасываемых ступеней. Корабля, способного в то же время взять на себя роль и пассажирского транспорта, соединяя противоположные точки земли за невероятно короткое время. Хотите из Кореи в Париж за час? А из Китая в Калифорнию за полтора? Наш «Новый Светлячок» приветствует вас! Они немало продвинулись, фантазии начали обретать реальные очертания, когда Григорию представилась возможность учебы в Калифорнийском Технологическом. Перспективы открывались сказочные, и в первую очередь в плане необычайно интересных задач и неожиданного для Григория количества единомышленников. Через пару лет учебы Орлиевский попал в проект, разрабатывающий новое поколение двигателей. Речь шла о принципиально новом решении в сфере космического транспорта, шаттлах универсалах, не нуждающихся ни в стартовой, ни посадочной площадке, способных совершать переходы, как и на сверх близких, так и на сверх дальних орбитах. Эта тема оказалась не только единственно интересной для него, но и потрясающе своевременной. Очень скоро их стартапом заинтересовались в военном ведомстве, и уже через полгода они получили финансирование и поддержку, необходимые для продвижения проекта.

Московская семья к тому моменту уже окончательно осознала, что вести бизнес в России небезопасно и бессмысленно, и в полном составе перебралась на побережье Тихого океана, так что видеться Гиня и Илюха продолжали по-прежнему регулярно.

Заваруха 2026 застала Григория на пороге нового этапа жизни. Он словно занес ногу над пропастью, собираясь перешагнуть через все доселе незыблемые законы гравитации. Первый

проект был успешно завершен, и теперь Орлиевский готовил к испытаниям новый модуль. Этот шаттл открывал возможность взлета с любого ландшафта, обладая беспрецедентной маневренностью. Абсолютный прорыв, как твердил себе Орлиевский. Он не способен был думать ни о чем больше, никакие исламисты, угрозы ядерной войны, бомбежки и прочая суета не могла его отвлечь от конструкции.

Внезапная одновременная ночная бомбежка Тель-Авива, Иерусалима и Хайфы превратила привычную миру арабо-израильскую войну в преддверии Третьей мировой. В течение буквально одной недели более десятка ведущих стран объявили всеобщую мобилизацию, наконец, четко обозначив свои политические симпатии. Казалось, катастрофа неизбежна, пальцы президентов ядерных держав застыли на красных кнопках. Но после объединенной военной операции удалось оттеснить исламистов вглубь полуострова, разбив их на мелкие группы. Группы эти расползлись, казалось, по всему земному шару. Военные действия разворачивались снова то тут, то там, в новостях звучали сводки об убитых и раненых. Первое время все затаились и сидели на своих местах, потом люди, привыкая к новой реальности, стали выплывать из своих нор, высовывать нос наружу и возобновлять путешествия по миру, стараясь избегать особо горячих мест. Потом снова проносилась волна военных действий, которая хоть и сгоняла боевиков все дальше вглубь их территорий, но и вымораживала всякое желание обывателя оказаться в зоне конфликта, которая не была стабильной и ясно очерченной. Война, так или иначе, вдруг взрывалась в самых неожиданных точках планеты, от Казахстана до Осло. Ислам, теряющий кровь и силы, грызлся жестоким террором, как обезумевшая гиена.

Отвлечься от проекта Орлиевскому все-таки пришлось. Звонок из ведомства выдернул его из мира расчетов и заставил пойти прогуляться по берегу океана в Ла Хойе с подтянутым лысоватым человеком лет 55и. Видимо, человек был очень убедителен, и через 4 часа после беседы Орлиевский уже улетал в Египет.

Там, среди войны, песка и жары его ждала кульминация собственного творчества. То есть реальный Шаттл ВТ-1, ожидающий доработок и своего первого взлета. Первого взлета с ним, Орлиевским, на борту. А так же Тамерлан Магометов собственной персоной.

База находилась в нескольких километрах от Хургады, в которой, вопреки всякому здравому смыслу, все-таки происходила курортно-туристическая жизнь. Видимо, те цены, который мог предложить туристам в меру опасный на тот момент Египет, были в состоянии примирить желающих отдохнуть горожан с риском быть взорванными на пляже. И, руководствуясь сообщением, что снаряд не падает дважды в одну воронку, буржуа и зажиточный пролетариат из всех стран Европы с удовольствием грел кости под апрельским солнцем гостеприимного Египта.

Орлиевский и сам порой ездил к морю, стараясь делать это пораньше утром, пока на пляже было относительно спокойно. И одним таким тихим утром он и повстречал в компании таких же пацанов Илью. Орлиевский похолодел. Он прекрасно себе представлял, какой сладкой целью была летная база. Если б Илья задал ему вопрос, куда б ему поехать с друзьями отдохнуть, то слова «Египет» Григорий бы не произнес, даже будучи совершенно равнодушным к военным вопросам. В силу своей деятельности, он был вполне в состоянии трезво оценивать степень опасности. Поэтому первыми его словами было не «Привет, братан», а «Какого черта ты тут делаешь». Но испортить настроение Илье было не так просто, немедленно улетать он отказался, а вот выпросить пропуск на базу попробовал. Григорий, подобревший от его шуточек и смеха, пообещал узнать, и они договорились встретиться на следующий день недалеко от его апартаментов в 15 минутах езды до базы.

Вот тогда и произошел этот налет. Они только уселись в кафе за чашкой какао, как в ушах зазвенело. Из всего, что произошло дальше, в памяти Орлиевского осталась именно эта картина – летящая в Илью оторванная рука девушки, которая сидела только что рядом с ними. Ошметки плоти, покрывшие его лицо. Дикая животный вой людей и истребителей, звон стекла

и грохот обрушившихся перекрытий. Потом тишина. Везде раскуроченные остатки тел. Их много, они повсюду. А они с Ильей, абсолютно целые, одни посреди этого мертвого пространства, покрытые кровью и тишиной. Тишиной, разрывающей душу и мозг.

Илья заговорил только на следующий день. Уже в самолете, летящем в Сан-Франциско, он вдруг спросил, впервые за сутки подав голос:

– Она теперь калека?

– Та девушка? – переспросил Орлиевский, впрочем, сразу поняв, о ком речь. – Думаю, она умерла.

Илья вздрогнул, помолчал, и быстро выдохнул:

– Так лучше.

– Не думаю, – покачал головой Григорий. – Жить всегда лучше.

Илья не ответил. Они больше никогда не говорили об этом. Ни о девушке, ни о налете. А вот о не зависящем от любых условий взлете говорили всегда. Через пару лет, когда уже пришла очередь Ильи брать боем колледж, он пошел на смежную специализацию, хоть и в другой университет, в Бостон. И уже там, прекрасно совмещая это с учебой, занимался всеми видами полетов, от катаний на кайте до дельтаплана, испытал на себе все, вплоть до свободного падения с горы. Григорию иногда хотелось прикончить его самому, быстро и надежно отвернуть голову, только чтоб не видеть записей с налобной камеры брата, как тот спускается с горы без лыжни, среди валунов, под диким уклоном. Сам он всегда был далек от такого экстрима, хоть сам процесс его завораживал.

Собственно, приобрести шаттл тоже была идея его маленького братишки.

Как и пройти школу астронавтов. Денег последний проект, выпестованный во время войны и даже в чем-то благодаря ей, принес такое количество, что можно было позволить себе больше, чем рисовали самые смелые мечты Орлиевского. И вложение средств в новый тип кораблей было очень верным с точки зрения тенденций космоса. К 2028 Орлиевский стал обладателем 2х шаттлов транспортников, членом Трансатлантического Космического Альянса, имел сенсор-допуск пилота высшей категории. И команду из четырех человек, ближе которых у него не было никого. Второй пилот Илья Орлиевский, механик Адэхи Родригес и астронавт Анна Валенсия. На каждого из них он мог бы рассчитывать, как на самого себя вплоть до последнего времени.

Вплоть до последнего времени. Григорий поморщился. Последнее время все начало разваливаться на куски, со всех сторон вроде бы четко выстроенной схемы его, Орлиевского, существования наметились надломы и трещины. Рушилось, разваливалось на куски то, что казалось железобетонным.

Илья. Григорий посмотрел на постаревшее, скомканное лицо брата. Ему всего 27 лет, а глаза старика. Во время одного из экстремальных спусков лыжа наехала на валун. Ногу вывернуло, затащило под камень и раздробило настолько, что собрать месиво потрескавшихся костей и хрящей не взялся ни один технолог – ортопед. Это было за пределами возможностей даже этой новой, всемогущей медицины. Но и это не было приговором. Генри Рассел, к которому Григорий немедленно обратился по рекомендации, был настроен оптимистично и утверждал, что процент приживления очень высок, и что уже скоро Илья будет с новой ногой. В это поверили все, кроме Ильи. Он стеклянными глазами смотрел на обрубленное колено и не вступал ни в какие обсуждения. Но и не сопротивлялся чужим решениям, покорно следовал всем рекомендациям, дважды прошел через приживление и все сопутствующие манипуляции и даже ни разу не изрек ничего напоминающего «ну я так и знал». Он просто молчал. Знал, что остался без ноги, и молчал. И Григорий подозревал, что за картина стоит перед внутренним взором брата, хоть они ни разу не заговорили об этом. Илья подал голос только тогда, когда речь зашла о протезе, выдал четкое решительное «нет» и окончательно закрылся. И это был самый круп-

ный отколотый кусок от мира Григория Орлиевского. Было и другое, но это, пожалуй, доставляло больше всего боли.

– Я не буду носить протез, – повторил он, вскинув на брата безразличный взгляд.

– Речь идет не о протезе.

– А о чем? Хочешь попробовать еще разок? Уже не к чему приделывать. – Нечто напоминающее улыбку скользнуло по лицу, покрытому лохматой рыжей бородой.

– Нет. Это другая технология, – начал было капитан, но Илья перебил его:

– С кем ты сейчас летаешь, Гиня? – Вопрос был задан с интересом, что удивило и Адэхи, и Григория. Тот помолчал, подыскивая ответ.

– Мы не летаем, – проговорил, наконец, он. – Вернее, почти не летаем. Были попытки... Пробовали парочку гастролеров, но кончилось так себе...

– Почему? – жестко спросил Илья.

– Разное отношение к процессу, – попробовал состричь капитан. – Чужое все. Все не то.

– Но вы теряете заказы... Сколько уже простоя?

– Это не простой, просто редко выходим... Около полугода, – мрачно проговорил Родригес.

– На что живете? – выдохнул Илья после долгой паузы.

– Ты не беспокойся, мне есть на что жить.

– Не на что тебе уже давно. С продажи «Анны» не на что. – Илья посмотрел на Родригеса. Тот прикрыл глаза, словно был не в силах это слышать.

– Я не попрекаю, Адэхи, ты прекрасно все понимаешь, – быстро проговорил бывший второй пилот, – просто ясно, что заказы нужны.

– Не настолько, как тебе кажется, – попытался остановить его Орлиевский. – А если так, то вставай и лети!

– Насолько, Гиня, настолько... И что еще вы собираетесь мне предложить?

Орлиевский уже не знал, как говорить о том, о чем собирался. Первый же вопрос про деньги выбьет почву из-под всех его увещеваний. И тут мелькнула мысль.

– Есть одно предложение. Интересное. И дорогое. Хочу совет.

Родригес за его спиной вздрогнул, выпрямился и задышал настолько громко, что оба Орлиевских обернулись на него.

– Так вот, – продолжил капитан. – Тамерлан готов к прыжку.

– Тамик? Что вдруг он вспомнил нас?

– ТАКА его разочаровала. Вернее, в корпорации его развернули. Ему теперь нужны частные предприниматели, – ухмыльнулся Григорий. – Так вот. За попытку выполнения его плана дают столько денег, что ты сможешь сломать вторую ногу тоже. Ну и отрастить эту.

– Отрастить? – выпучил глаза Илья.

– Да. Но эти подробности тебе расскажет Рассел. Суть в другом. Ты же мечтал о кротовой норе?

Илья рывком сел на кровати, впившись глазами в лицо брата.

– Ага, мечтал... – Григорий усмехнулся, – так вот. Мы проведем одно испытание, и если все пойдет как надо, это будет новый виток твоей карьеры, я тебя уверяю. Полетим в дальние галактики. Ну, или сначала в ближние, а потом уже подальше.

– Что вы там задумали, – почти шепотом проговорил Илья.

– Мы проведем эксперимент и получим за него твою новую ногу. А пока она растет, все будет решено-оформлено, и ты вольешься в совершенно новую реальность.

Орлиевский говорил совершенно идиотским тоном парработника энтузиаста. Родригес смотрел на него как на умалишенного, а Илья пытался понять, издевается брат, или же действительно намечается что-то особенное.

–Ты можешь рассказать, в чем дело? – выкрикнул он, яростно глядя снизу вверх на обоих по очереди.

–Могу, – неожиданно мягко и миролюбиво ответил Григорий. – Садись, Адэхи. Наконец обсудим проект.

Индеец обреченно сел на стоящий поодаль трехногий табурет. Сбывались его самые худшие опасения.

2045

Утро для Лиз началось необычайно рано. Кутаясь в пушистый плед, взлохмаченная и сонная, она уже в 6 утра выползла на веранду.

Картина изменилась. После вчерашнего поэтически багряного заката и мерцания тысячи огней в ночи, прозрачность утреннего синеватого воздуха заставляла замереть и дышать медленнее. Отражение первых лучей выдавало далекие небоскребы, вспыхивая огоньками, словно снежинки на окне ранним морозным утром. Лизе казалось, что она видит отдельные молекулы воздуха, и каждая из них в свою очередь играет искоркой в лучах просыпающегося солнца.

«Космическая красота», – подумала она, облокотилась на стену и еще долго стояла, впуская в себя это чудесное утро. Все еще пошатываясь спросонья, Лиз побрела к допотопной кофемашине. С агрегатом этим она была знакома давно, но, тем не менее, в первые секунды пришлось напрячься, чтобы вспомнить, как этот монстр работает. Наконец густой натуральный – в самом буквальном смысле слова «натуральный» – кофе закапал в чашку. Малкин поднесла его к лицу, практически засунув внутрь нос. Носу стало тепло и влажно, а душа захмелела от восторга. Как давно ей не доставалось такого аромата! Настроение сразу поднялось на несколько градусов. Не хватало только привычного утреннего трепа новостей в голове. Эту дурацкую привычку – «слушать голоса», как она сама это называла, – Лиз Малкин приобрела задолго до вживления в голову чипа. Еще 20 лет назад, едва сварив кофе, ее рука тянулась к пульту, и поток новостей, будь то радио, телевизор, головизор или виртуал, заполнял ее сознание.

На кухне Билла царил полная тишина. Старинный телевизор, висевший высоко на стене между самыми верхними кухонными шкафчиками, чернел, символизируя полную безнадежность. «Пульт утерян», – тоскливо подумала Лиза и направилась было обратно на веранду, но на самом пороге остановилась. Не в ее правилах было сдаваться немедленно в поисках комфорта. Она внимательно прищурилась, рассматривая нижнюю панель, и таки разглядела там пару кнопочек. В следующую секунду она уже тащила огромный тяжеленный стул, намереваясь залезть на него и попробовать включить прибор вручную. Ей пришлось залезть не только на стул, но и на столешницу, чтобы дотянуться до кнопки. Вытянувшись в струнку всем худым телом, Малкин пыталась хоть ногтем царапнуть по включателю. В конце концов, чуть не растянув спину, она провела пальцем по заветной кнопке, и чуть не свалилась на пол от неожиданности. Телевизор немедленно заговорил на предельных децибелах хриплым мужским голосом. Голос выплюнул слово «Мечта» и самодовольно захохотал. Лиза в это время стояла на четвереньках на разделочном столе, пытаясь нащупать ногой стул. Голос уже сменился на женский. Этот новый с томным восторгом вещал о небывалых возможностях корабля «Мечта», и приглашал совершить виртуальную экскурсию, соблазняя не упустить шанс присоединиться к первой группе туристов. Лиза, наконец, обрела пол под ногами и смогла задрать голову. И окаменела. С экрана на нее смотрел Билл Смит. То есть не совсем этот Билл, сегодняшней, а тот, которого она впервые увидела больше 25 лет назад в Нетанье, выходя со школьного двора. Сходство было таким поразительным, что Малкин на секунду усомнилась в собственном здоровье. Билл же в телевизоре представился пилотом корабля «Мечты» и искушал граждан испробовать первоклассный комфорт и всяческие космические чудеса, одним из которых была стеклянная сфера, в которой самые смелые туристы должны были выйти в открытый космос.

Новый Смит при этом выразительно размахивал двумя сильными здоровыми руками, задорно блеснул зубами и глазами.

Лиза продолжала стоять перед экраном, сильно задрала голову назад и опустила руки по швам. Репортаж продолжался, появлялись все новые лица, звучали заманчивые предложения. Лиза же пыталась осознать увиденное, найдя этому правдоподобное пояснение. У Билла мог быть сын. Или племянник. Гены иногда передаются самым причудливым образом. Сам Смит об этом никогда не упоминал, но она и не спрашивала. А ведь могла спросить. Хотя что-нибудь спросить, хоть раз, про него лично, но, к ее собственному сожалению, помимо собственных страхов и подозрений ее ничего не интересовало. Вопрос у Лизы к Биллу все эти годы был только один. Она уже собралась тяжело вздохнуть, раскаиваясь в собственной черствости, как вдруг на экране возникло другое лицо. Крупным планом, во всех деталях и подробностях прямо Лизе в глаза смотрел ее ныне покойный бывший муж. И тоже, как и пилот-двойник старого Билла, точно в том же ореоле молодости, как и 28 лет назад, на момент их первой с Лиз Малкин встречи. Внимательно посмотрев мужу в глаза, Лиза тихо вздохнула и сползла на пол, по дороге теряя сознание. Мир раскололся.

2034

Тамерлан Магомедов закончил рассказ и теперь напряженно вглядывался в лица Родригеса и Орлиевского, пытаясь по их выражению понять, удалось ли их убедить.

Они снова сидели у бассейна во французском доме капитана. Все попытки обсудить детали испытаний онлайн Магомедов пресек на корню, требуя полной конфиденциальности проекта и переговоров. Уж он-то более чем кто бы то ни было знал цену секретности переговоров в сети. С точки зрения Тамика, южная дача Орлиевского во всех отношениях подходила для подобной встречи. После недавнего предложения капитана еще раз обсудить возможность испытаний, Тамик чрезвычайно приободрился. Уже похороненная надежда довести свою работу до конца снова ожила. В глазах Тамерлана заплясал фанатичный шаманский огонек. Он слегка покусывал губы и шевелил большими пальцами рук, стараясь перетерпеть повисшую в гостиной тишину. Еле слышно шелестел бассейн, гудела муха у барной стойки в глубине, громко дышал Родригес.

– Вы понимаете, капитан, что «Венера» не приспособлена к такому полету? – наконец медленно и тихо проговорил индеец. – Мы никогда не бывали на настолько дальней орбите.

– А на какой бывали? – живо спросил Тамерлан, метнув взгляд на Орлиевского.

– На 3000 ходили. Пару раз заходили 4000, – ответил Орлиевский. – Так, как ты говоришь, конечно, не поднимались... Это совсем другое снаряжение у шаттла...

– Не только снаряжение, капитан, – продолжил Родригес. – Шаттл ТАКА велся с земли. Полностью. В нашем случае подобное управление невозможно. Вероятно, частично дублировать контроль получится, но полностью перенести – нет. А это значит...

– А это значит, – перебил его высокий светловолосый мужчина, сидевший в том самом кресле, которое так любила Анна, – что гарантий возвращения не будет.

– Ну почему! – Тамерлан крикнул, пытаясь выстроить в ряд толпу бившихся в горле возражений, – Джерри! Вы путаете мух с котлетами! Программа полета не замкнута на систему управления. Это просто контроль за последовательностью событий, если можно так выразиться...

– Вот про последовательность событий он и говорит, Тамик, – устало проговорил Орлиевский. Он чувствовал, что позволил себя втянуть в это безумие, и не находил в себе сил на решительный разворот прочь от этого проекта. – Хорошо. Скажи мне, у тебя есть план всех переделок, которые нам нужны для этого полета?

– Гриша... – протянул Родригес. В глазах его стояла вековая печаль и инков, и майя, и ацтеков, и всех прочих угнетенных народов Америки.

– Подожди, Адэхи. Пусть ответит, – прервал его капитан.

– По сути, Тамерлан уже на все ответил, – высокий встал с кресла, подошел к бассейну и заглянул вглубь. Голубой отсвет отразился на его крупной лепки лице, немного смягчая резкие и яркие черты. – Потрясная вещь эта искусственная вода, Григорий. Надо установить себе такой. Так вот... Ясно то, что если мы решаемся на этот эксперимент, то необходимо будет очень серьезное переоборудование, ряд испытаний без использования био-преобразователя. То есть минимум два полета по высоким орбитам. Во-вторых, место. Где будут проходить эти работы. Не в ваших же доках, Григорий?

Орлиевский покачал головой. Было очевидно, что подобная суэта привлечет к себе интерес ТАКА, а этого Тамерлан хотел бы в последнюю очередь.

– Место есть, – ответил Магометов. – Как и план оборудования, и средства. Что еще вас смущает, Джерри?

– Меня? Меня как раз ничего не смущает. Вы сделали мне предложение – я его принял.

Джерри Картер оглядел остальных собравшихся. Его пронзительный синий взгляд задержался на скорбном лице огромного, стоящего, словно памятник Родригеса. Индейцу настолько явно было не по душе происходящее, что Джерри захотелось его утешить. Орлиевский тоже не был особо радостен, но и не настолько угнетен. Он размышлял, прикидывая все варианты развития событий и пытаясь угадать верный. Тамерлан же с нетерпением ждал вердикта Орлиевского, нервно шныряя взглядом с лица на лицо.

– Я согласился, – продолжил Джерри, – но хочу максимально ясно представлять план и задачи. Все взаимоотношения должны быть выстроены сейчас. Когда два пилота в тысячах километрах от земли решают, как взаимодействовать, хорошо не бывает никому. Так что все зоны ответственности, все детали внутренних и внешних конструкций, все задачи надо обсудить, не откладывая на минуту перед стартом, – усмехнулся он.

– У нас так не бывает, но вы правы, – проговорил Орлиевский.

– Слушайте! – Тамерлан вдруг вскочил, не в силах больше терпеть это напряжение. – Я все рассказал сотню раз. Мы устанавливаем все необходимое в доках моего ... доверенного лица. Он же обеспечивает всю технику и рабочую силу. Далее. Картер прав. Будет необходим пробный полет. Но не два, а один. Само биотопливо проверки не требует. Это я гарантирую. Нет, Гриша, – прервал он начавшего возражать капитана, – не требует. Это точно. Теперь место испытаний. Запуск будет произведен из точки, указанной этим самым доверенным лицом, и технически обеспечен тем же самым лицом.

– Что за лицо за такое? – усмехнулся Джерри.

– Лицо, – развел руками Тамерлан. – В меру симпатичное. Японское. Очень богатое и влиятельное лицо, которое поддерживает этот проект, обеспечивает условия и оснащение. Имя назвать я не могу.

Он замер, собираясь с мыслями, глотнул из оставленного на стойке чужого стакана, поморщился и продолжал.

– Теперь еще раз про сам эксперимент. – Тамерлан заговорил на коротком дыхании рублеными фразами, глядел из-под бровей, словно готовый в любой момент дать отпор. – Надо добраться до экзосферы, пройдя заданные координаты. На максимуме скорости выйти на точку и идти вверх к короне. Закрепить на себе датчики. И все.

– А как же Большой Пес? – протянул Родригес.

Три пары глаз впились в Магометова.

– Если дойдет до Пса... – Тамерлан застыл, а потом усиленно затряс головой. – Только не заставляйте меня рассказывать все тонкости! На карте все отмечу, корректировку просчитаю. Все. При возвращении – два оборота на четвертой. И домой.

–Ого, – протянул Джерри, – Пара оборотов на четвертой... Во-первых, это красиво...

–Технически будет подготовлено, – огрызнулся Тамерлан.

–И тем не менее. Все это все работает в том случае, если мы еще в этом мире. – Голос Родригеса прозвучал как-то особенно мрачно.

–Козы остались в этом мире, – усмехнулся Джерри.

–Какой вы позитивный, – с неожиданной для себя желчностью проговорил Адэхи. Григорий поднял на него полные изумления глаза, но индеец не заметил его взгляда, продолжая чуть ли не с отвращением смотреть на нового второго пилота.

–Да, стараюсь быть позитивным, – усмехнулся тот. – Меня кстати за это особенно ценят. Открытый, дружелюбный, позитивный и оптимистичный. Как вам такое сочетание?

–Отвратительно, – хмыкнул Григорий. Родригес же не улыбнулся и продолжал смотреть на Картера с прежней неприязнью.

–И отличный профессионал, – Тамерлан положил Джерри руку на плечо. – Герой войны. Около 1000 вылетов. Я нашел для вас жемчужину! – подкрепляя свои слова характерным жестом, излагал Магометов. – Еле уговорил! Такого пилота больше нет! – «Вах!» – так и слышалось в этой фразе.

–Боюсь, ты не убедишь господина механика, Тамерлан. Придется быть не только оптимистичным, но и очень работающим. – Хоть губами Картер и улыбался, но в глазах его появились льдинки, достойные айсбергов в глазах Родригеса.

–Я не понимаю только одного, – по-прежнему мрачно проговорил тот. – Чем мы лучше коз?

Магометов театрально взялся за сердце, демонстрируя, как именно ему надоел этот вопрос, и поплелся шагом обессиленного инфарктника к стулу.

–Тысяча первый раз. Коза не может говорить. Но у нее – у козы – было падение давления. Были резкие изменения в энцефалограмме. Были изменения в составе крови. И все это в один момент. Она столько пережила, а рассказать не в силах. А вдруг – вот вы только представьте, она все-таки попала в Созвездие Пса? На одну из планет, покрытую пушистым салатом, попала там лет 100 и потом перенеслась обратно, а в нашем измерении прошла одна секунда, и никакие наши приборы в том пространстве не действуют?! И коза носит в себе этот груз, мекает, а понимания нет?

–Тамик, ты все это серьезно? – недоверчиво проговорил Григорий.

–Да!! – заорал Тамерлан ему в лицо. – Да! Я уверен, что-то происходит! Топлива нет, на приборах всплеск различных изменений, и никаких записей! А возможностей, приходящих в голову – миллион! Нужен человек. Только человек способен совместить в себе несовместимые состояния и факты.

–И вернуться через сто лет сытым с инопланетного пастбища? – проговорил Картер.

–Да, – устало взглянув на него, ответил Магометов.

Все замолчали. Каждый пытался угадать верный ответ на мучивший его вопрос. Только второй пилот Джерри Картер выглядел вполне спокойно. Он свое решение уже принял.

2045

-Что у тебя за грохот там? – Билл недовольно пыхтел, разбуженный непривычным шумом из кухни в очень ранний для него час.

Заглянув в кухню, он застал финальные кадры репортажа с корабля, лица улыбающихся пилотов, широкую улыбку капитана. А также маленькое тело Лизы, валяющееся у разделочного стола. Первым порывом Билла было поднять Лизу, но, оборвав собственное движение, он распахнул дальний угловой ящик, покопался в нем и извлек на свет пульт. Быстро выключив телевизор, он запихнул пульт как можно глубже в шкаф, набрал воды в стакан и только потом склонился над женщиной. Тихонько потрепав ее по щеке, он поставил стакан на пол рядом и

смочил водой губы и лоб Лизы. Та открыла глаза и уставилась на Билла. Несколько бесконечных секунд эти двое смотрели друг на друга. Потом Малкин резко поднялась с пола, прошла в свою комнату, через мгновение выскочила из нее с рюкзаком, набитым скомканными вещами, и покинула дом Билла Смита, не сказав ему ни слова. Билл же молча сидел на полу, сжимая в единственной руке стакан с водой. Когда дверь за Лиз захлопнулась, он медленно поднялся на ноги, вылил воду из стакана и налил туда все оставшееся в бутылке бренди, но пить не стал, так и стоял со стаканом в руке, глядя в одну точку. Вдалеке переливалась тяжелая серая вода залива, светило солнце, летали орлы. «Красиво», – подумал он. «Все очень красиво. Фатумная красота... Фатумная». Последнее слово он проговорил вслух и залпом опустошил стакан.

2034

Анна уже довольно долго стояла у двери, ведущей из гостиной вглубь дома, не приближаясь к мужчинам.

Абсолютно незаметная в сумерках, она слилась со стеной, впитывая каждое слово находящихся в гостиной. Из-за огромного размера помещения, ей приходилось изо всех сил прислушиваться к беседе вплоть до того момента, пока Тамерлан не вышел из себя, поясняя, зачем нужны в полете живые пилоты. Это выглядело довольно забавным, но все же не заставило Анну улыбнуться. Все происходящее казалось немного сюрреалистичным, нереальным. Отчасти из-за сумеречного поблескивания искусственного бассейна, отчасти из-за самого повода этой встречи. Она не могла и предположить, что все это зайдет так далеко. Не было идеи более смехотворной и нелепой в ее понимании, нежели это предложение Магометова.

Тамерлана Анна знала давно, еще со времен войны. Он ей казался человеком умным, чрезвычайно одаренным, но отнюдь не оторванным от реальности, поэтому этот проект ей показался насмешкой с его стороны. И вот, тем не менее, практичные и опытные мужчины сидят в ее гостиной и на полном серьезе обсуждают план действий.

Ее взгляд уперся в Джерри. Эта была еще одна, и, вероятно, основная из причин, почему она до сих пор стояла в тени холла. Анна не могла заставить себя войти в гостиную и поздороваться. Она стеснялась. Да, именно стеснялась, и никакое другое слово не приходило ей на ум. Она, взрослая замужняя женщина, проведшая треть жизни среди абсолютного мужского большинства, имеющая за своими плечами тысячи тысяч километров преодоленного пространства, стояла, прячась у стены из-за незнакомого мужчины в собственной гостиной. Наваждение.

Откровенно говоря, последнее время у нее часто возникало ощущение нереальности происходящего, словно мироздание насмеялось над ней. Господь с усмешкой по кусочкам отнимал у нее именно то, чего в глазах окружающих у нее должно было быть с избытком. То есть счастья и любви. Красоты она была вопиющей. Именно этим словом описал ее десять лет назад Григорий Орлиевский, остановившись как вкопанный перед ней на городском пляже Барселоны. Он бежал вслед за улетевшим от порыва ветра зонтом и врос в землю, увидев сидящую на песке Анну. Застыл, окаменел, сказал ей про вопиющую красоту и больше никуда не делся. То есть буквально больше не отошел от нее ни на шаг. Все 10 лет.

Шел 2024 год. Жизнь стремительно менялась изо дня в день, заставляя гнаться за собой привычных к прежнему, докризисному ритму существования, обывателей. Приходя в себя после тяжелого начала 20х, планета забурлила с невероятной силой. Всплеск покорения космоса, медицины; появление на дорогах беспилотных автомобилей, сверхскоростных поездов. Новые технологии завоевывали пространство абсолютно во всех направлениях науки и техники, и прежде всего, в космической программе. Орлиевский был на полдороги к лицензии пилота. Эту короткую неделю ему еле удалось украсть у учебы, и он вдыхал всем телом море

и солнце после долгих месяцев тренажеров и модулей. Он не поверил своим глазам, увидев ее лицо. Каждая черта была выписана каллиграфически идеально. Огромные черные глаза, кожа с дынной подсветкой, профиль греческой богини. Роста она была выше среднего и очертания ее тела ничем не уступали чертам лица. Все это венчала копна иссиня-черных волос, спускавшихся ниже талии. Орлиевский понял, что он не уйдет с этого пляжа без нее. Закончилось это тем, что уже через несколько месяцев Анна, спрятав все свое роскошество под комбинезон, практически поселилась в доках, не видя ничего кроме шаттлов и обслуживающих их мужчин в такой же одежде, как и она сама.

В город на какие-либо развлечения они выбирались крайне редко, даже на летние месяцы все чаще оставались на шаттле, в котором фактически жили. Круг ее общения помимо часто отсутствующего Григория, являли собой Родригес и Илья. Младший Орлиевский, или Номер 2, присоединился к их команде шесть лет назад. Впрочем, Илья был достаточно редким гостем в нерабочее время. Он проводил каждую свободную минуту на кайте или дельтаплане, или испытывал новые лыжи. До последнего спуска он был искрометно веселым жизнелюбивым адреналинщиком, способным развеселить ее и заставить смеяться в голос, что было большой редкостью для Анны. Собственно, на этом ее круг общения заканчивался. Были, конечно, какие-то случайные лица и голоса, но для Анны они словно оделись в один огромный летный комбинезон, и она их не различала.

Любовь к Григорию сначала казалась ей безусловной, так он был хорош в своей улыбке и размахе, а потом стала как-то мельчать, словно изживая себя в скудном пространстве ремонтных доков. Он стал плоско шутить. У него потели подмышки. Он часто упрямо молчал именно тогда, когда необходимо было сказать что-то важное и остроумное. Он принимал непонятные решения и стал как-то особенно неправильно прикасаться к ее телу, так что у нее мурашки шли от отвращения. Чем нежнее он старался провести губами по шее жены, тем более ощутимый спазм подкатывал к горлу, и хотелось заорать и ударить его. И, в конце концов, Анна поняла, что больше не может оставаться с Орлиевским. Ни дня, ни минуты не в состоянии быть рядом с этим сильным, красивым, умным и успешным мужчиной, с которым счастливо жила 10 лет.

Осознание пришло так остро и больно, что она с трудом могла дышать. Просто перехватывало где-то в бронхах, и каждый вздох приходилось добывать как шахтеру. Анна знала, что это паническая атака, но легче от этого не становилось. Общение с мужем превратилось в экзотическую пытку. Он не мог понять, что происходит. Ощущение бесконечной песчаной бури, когда песок, разъедая и царапая все внутренности, забивает тебя изнутри. Жалкий песчаный остаток разваленной любви. Григорий умирал, чувствуя ее нелюбовь и не в состоянии понять происходящего. У Анны же не было для него пояснений. У нее больше ничего для него не было.

Стоя здесь в темноте и наблюдая за мужчинами, она поняла, что очень давно не разговаривала ни о чем, кроме планов и целей полетов. Что она вообще ужасно давно не разговаривала с незнакомыми людьми. Она казалась себе дикой и отчаянно нелепой девочкой – переростком. Усилием воли Анна вытолкнула себя на свет гостиной. Мужчины замолчали.

Орлиевский не знал, застанет ли он Анну в этот приезд.

Они не виделись и не общались после последнего разговора. Наутро он улетел в Хельсинки, отсутствовал около недели и сейчас даже не успел пройти к своей спальне, так и остался в гостиной, продолжая начатый в порту Барселоны разговор со всеми предполагаемыми участниками эксперимента.

Увидев ее высокую фигуру, он ощутил удар крови в левый висок, но остался спокойно сидеть на высоком барном стуле с бокалом в руке. Родригес широко улыбнулся ей, приподнявшись ей навстречу, а Тамерлан подбежал, распахнув объятия. Он был значительно ниже ее, поэтому ей пришлось слегка наклониться, подставляя ему щеку для поцелуя. На лице Анны наметилась легкая улыбка, но глаз она не коснулась, взгляд оставался сонным и тусклым, что

странно контрастировало со всем ее ярким обликом. Обменявшись приветствиями с Магометовым и Родригесом, Анна вопросительно взглянула на Джерри Картера, удобно расположившемся в ее любимом кресле.

–А это наш второй пилот, дорогая донна, – заметив ее взгляд, поспешил пояснить Тамерлан

Анна окинула Картера все тем же тусклым взглядом и села на низкий мягкий мешок-тюфяк, немедленно принявший форму ее тела.

–Что, Илью уже вычеркнули? Быстро, – безразлично произнесла она.

Орлиевский сжал зубы и вцепился руками в бокал. Если б бокал был стеклянный – разлетелся бы на миллион острых осколков. Еще совсем недавно он бы немедленно начал орать в ответ на подобную провокацию, доказывать свою поставленную Анной под сомнение добродетельность и преданность брату, возмущаться самой возможностью подобного предположения. Он бы бил ногами по стульям, пробивал бы дыры в стенах кулаком, брызгал слюной и выпучивал глаза. Сегодня же он просто застыл, скрючившись, внутренне и оставаясь неподвижно-спокойным внешне.

Родригес приоткрыл было рот для ответа, но, покосившись на капитана, закрыл его обратно, не издав ни звука.

Молчание, длившееся всего пару мгновений, оказалось очень ощутимым.

–Ну что ты, дорогая, – лучезарно заговорил Тамерлан, по-отечески, даже скорее по-дедовски снисходительно улыбаясь. – Ты даже не представляешь, как мы все любим и заботимся об Илюше.

Имя «Илюша» заставило поморщиться даже Анну, такое могло сойти с рук только Тамерлану.

–Ну-ну, вам видней, – протянула она, высвободилась из своего вязкого сиденья и подошла к бару. Наливая в бокал что-то зеленовато-мутное из огромной темной бутылки, Анна в упор смотрела на Картера. Тот терпеливо ждал окончания этого своеобразного рентгена и не отводил взгляда.

–Надеюсь, он вас благословил, господин Картер? Илюша-то. – Вопрос прозвучал как-то нарочито фамильярно и презрительно.

–Непременно, – холодно проговорил тот, по-прежнему не отводя глаз.

–Остроумный, – протянула Анна, осматривая Картера, – Смелый, наверное. Какой улов, капитан. – Это был уже откровенный вызов. Она сама не могла понять, что за черт в нее вселился, но ничего не могла поделать с желчью, изливающейся наружу. Все мужчины замерли, не узнавая в этой мегере привычную Анну. Тамерлан отчаянно пытался поймать взгляд Григория, но тот сидел, прикрыв глаза, и словно ничего не слышал. Родригес смотрел в пол, Магометов мог видеть только его огромное красное ухо. Он уже собрался было хоть что-нибудь сказать, когда Картер встал со своего места. Он медленно подошел вплотную к Анне и остановился, глядя ей в глаза. Анна, стоявшая стойки бара, с показным интересом смотрела на него.

–Я прекрасный пилот, мэ, – проговорил Картер после длинной паузы. – Остроумный. Смелый. Опытный. Я готов приложить все усилия, чтобы ни ваш муж, ни господин Родригес не почувствовали дискомфорта от отсутствия Ильи Орлиевского. Если вас что-то смущает, непременно поделитесь со мной. Я готов к любым переговорам. К любым мирным переговорам, – добавил он и уже молча продолжал стоять перед Анной с по-прежнему спокойным и чересчур доброжелательным лицом. Только Анна почему-то была уверена, что она видит нечто совсем обратное в глубине его взгляда. То ли ярость, то ли насмешку, то ли еще что-то, но точно не преданность и заботу.

Она внезапно поняла, что они уже достаточно долго стоят посреди гостиной, молча глядя друг другу в глаза. Ощувив острую неловкость, Анна еще раз смирла его взглядом и улыбнулась то ли застенчиво, то ли иронично. Вызова в ее взгляде стало заметно меньше.

–Ну просто Мистер – эталон качества, из палаты мер и весов,– хмыкнула она. – Надеюсь, Илье понравится ваша позиция, как и ваше существование в целом. – Она отвернулась и неторопливо пошла со своим странным напитком по направлению к спальням.

–Какую-то особенную дрянь вы затеяли в этот раз, господа, – кинула она им через плечо.

Когда она вышла, в комнате долго было тихо. Орлиевский сидел в прежней позе. Родригес встал со стула и резко выдохнув, налил себе полный бокал текилы. Картер, переглянувшись с Тамерланом, изобразил подобие улыбки и спокойно вернулся на свое место, закинув ногу на ногу.

–Что это было, Гриша? – тихо спросил Магометов. Орлиевский молча встал, и одним движением скинув одежду, нырнул в бассейн. Тамерлан проводил его взглядом и перевел глаза на Адэхи. Тот мрачно пожал плечами.

–Так теперь бывает, – пробурчал он.

–И часто? – спросил Магометов.

–Чаще, чем хотелось бы. Правда, не так, как сейчас. Сегодня она переплюнула сама себя. С незнакомым человеком на ровном месте...

–У них что-то не так? – начал было Тамерлан, но, покосившись на Джерри, остановился. – Теперь я понимаю, почему она не летит.

–Она считает этот полет идиотизмом и самоубийством. Впрочем, ничего не имеет против, если полечу я, – сказал за спиной Тамерлана вынырнувший Орлиевский. Он сидел на полу, опустив ноги в синюю воду.

–Честно говоря, она может очень понадобиться, – протянул Магометов. Его лицо было спокойно, без тени наносного добродушия и дешевой клоунады. Серьезный, взрослый, жесткий человек. Один из ведущих разработчиков последнего поколения двигателей космических кораблей.

–На каком этапе? – подал голос Картер.

–На самом последнем, – мрачно ответил Магометов. – Она должна будет лететь.

–Нужен четвертый?

–Нужен медик, – жестко ответил Тамерлан, покосившись на капитана. Тот уныло смотрел куда-то в глубину, словно рассматривая подсветку бассейна. На слове «медик», Григорий повернулся и с кривой улыбкой посмотрел на Магометова. Тот выдержал взгляд.

–Да, нужен будет живой врач на борту. И лучше всего, чтобы это была Анна.

Орлиевский только покачал головой и снова нырнул. Ему хотелось уплыть. И не в настоящее море-океан, а именно в глубину этого странного водоема. Ему казалось, что там, среди мерцающей подсветки нет дна, что глубина там неизмерима, бесконечна, и он, Григорий, сейчас нырнет в сладкую синеву и будет погружаться и погружаться, вечно, плавно, неторопливо, получая удовольствие от каждого миллиметра масляной жидкости, ласкающей его сведенные болью и ревностью мускулы. И он спрячется, уплывет. Уплывет от сознания пустоты и одиночества, спрячется от всего на обратной стороне реальности и материи, пройдя сквозь свой личный тоннель в пространстве.

2045

Ролик в очередной раз закончился и снова начался новостной блок, а Лиза все еще сидела, замерев.

Вокруг нее возникали новые фигуры и здания, что-то взрывалось, люди сменялись животными, голос невидимого ведущего звучал то нежно, рассказывая о новорожденном жирафе в биопарке, то воинственно и тревожно, докладывая о событиях в Африке. При этом голова жирафенка оказывалась у нее на коленях, а бомбы, взрываясь, засыпали ее землей.

Наконец она вышла из оцепенения.

«Стоп», – пронеслось в голове. После бурных красок и взрывов, комната в унылых серых тонах, снова ставшая реальностью Лизы, показалась ей даже уютной. Во всяком случае, спокойной.

Она продолжала сидеть в старом обшарпанном кресле, глядя перед собой. Потом откинулась на спинку и снова прикрыла глаза. «Повтор рекламы» – проговорила про себя команду, и уже в который раз за это утро отправилась на «Корабль мечты».

Лиза снова стояла на космодроме Окленд-Хайтс метрах в двадцати от гигантского корабля. Ветер трепал ее волосы, слышалось отдаленное гудение взлетающих аэробусов и радостная музыка. Ощущение присутствия было полным.

Одетая в нечто красное и блестящее, красotka и молодой роскошный мулат, лучезарно улыбаясь, шли ей навстречу.

–Приветствуем вас! Вы на пороге своей мечты! Не бойтесь переступить этот волшебный порог! – заворковал мулат, энергично жестикулируя.

–Вырваться за пределы возможного! Подняться и пронестись над небесами! Посмотреть на этот мир с высоты поющих ангелов! – вторила ему красotka.

–Дотянуться до звезды, заглянуть в глаза Луне! Вдохнуть звездную пыль! Увидеть небо в алмазах! Все возможно, если вы решитесь приобрести билет на наше невероятное путешествие вокруг земли!

Мулат и красotka исчезли. На их месте оказался мужчина с красивым суровым лицом. Они с Лиз были уже не на поле, а внутри кабины управления, сидели в огромных кожаных креслах экипажа. Вокруг них, за окнами кабины, мерцали неправдоподобно синие звезды.

–Это воистину Корабль Мечты, – тихо говорил капитан, проникновенно глядя ей в глаза. – Вы почувствуете себе астронавтом будущего. Вы совершите полет вокруг нашей планеты по самой дальней орбите. При этом никаких неудобств и опасений. Удобный салон, – салон вплыл в сознание Лизы, – шикарные комнаты отдыха, индивидуальные каюты. Но самое главное – это, конечно, Сфера!

Лиза обнаружила себя внутри стеклянного шара. Они с капитаном были в состоянии невесомости и красиво кружили друг против друга, напоминая лебедей в брачный период.

–Все звезды мира! – сказал капитан. – Да! Все Звезды Мира!..

Последняя его фраза звучала, словно выведенная на реверс хорошим звукорежиссером. Эффект себя оправдывал.

Через секунду Лиза снова стояла на некотором отдалении от корабля Мечты. К кораблю подходили один за другим люди, останавливаясь у входа, говорили несколько слов и заходили внутрь портала.

–Я мечтала об этом давно, – выразительно, словно со сцены, говорила высокая холерная женщина, – взлететь, почувствовать, осознать собственную абсолютную незначительность, отрешиться от мелочных проблем....

Лиз подошла к изображению женщины максимально близко, заглянула ей в лицо. Женщина улыбнулась ей приветливо и исчезла в портале. На ее месте возник известный европейский пианист, знаменитость и любимец публики, так же высокопарно призывающий последовать его примеру и совершить покупку билета. За ним еще несколько мужчин и женщин. Лиза испытывающе заглядывала в их лица, почти веря в ответный жест или мимику. Пожилой японец, представившийся как Акира Ямото, стоящий рядом с парнем лет 25-27, долго и подробно рассказывал о своих ожиданиях от этого полета. Молодой человек, очевидно, его сын, стоял рядом молча, стеснительно улыбаясь.

– И я уверен, что близость к звездам очень важна для такого блестящего молодого ученого, – указал он на сына. – Это мой подарок на защиту докторской степени. Место астронома у звезд! – произнес он напыщенно.

Лиза стояла вплотную к голографическому младшему Ямото. В сердце гудело. Парень застенчиво молчал, странно светлые для азиата волосы падали на прозрачные глаза, отчего Ямото-младший слегка морщился и едва заметно улыбался. Лиза инстинктивно пригнулась, пытаясь уловить его запах и протянула руку в попытке прикоснуться. Пальцы сомкнулись в воздухе.

Мир вокруг нее опять стремительно поменялся. Она снова была в кают-компании, большом белом зале с прозрачными стенами, но теперь за ними были не звезды, а постройки космодрома. Перед ней стояли два хрустяще-крахмальных пилота. Один светло-русый, второй чернокожий. Оба обаятельные, веселые, полные удалой энергии.

–Пилоты Картер и Смит приветствуют вас!

–Решайся, дружище! – радостно завопил ей в ухо чернокожий. Лиза почувствовала, как трясутся ноги и пол уходит. Она села в виртуальное алое кресло. Второй пилот, светло-русый, с прядью волос над выпуклым лбом, окрашенной в голубой цвет логотипа компании, исполнил какую-то немыслимую дробь ногами, напоминающую смесь фламенко с матросским танцем, засмеялся, переглянулся с другом, и они изобразили еще несколько задорных па, держа руки на плечах друг у друга.

–Вы не пожалеете! – орал один

–Никогда не пожалеете! – подпевал второй

–Это незабываемо!

–Это великолепно!

–Летим с нами, дружище! Мы покатаем вас меж звезд и туманностей! В Сфере мечты!

Светловолосый вдруг опустился на колени перед Лиз, в руках у него оказалась роза. Его синие глаза смотрели прямо в лицо Лизы.

– Летим со мной сквозь вечность!..

Нееееееетт!!!

Ее собственный крик разрушил изображение. Лизу трясло. Тела обаятельных Картера и Смита тоже тряслись перед глазами.

–Стоп! – отдала она команду. Картинка пропала. Пот со лба падал на нос, знобило. Она согнулась, обхватила себя руками как при приступе гастрита. Сильно тошнило.

Она не ошиблась. Собственно, это было ясно и в первый раз, можно было и не мучить себя бесконечными повторами. Обознаться было невозможно.

Вопрос, мучавший всю жизнь. Люди, молчавшие всю ее жизнь. Невозможность дышать, любить, принять саму себя. И вот – вот ответ. Ответ, который она опять не в состоянии обрести.

–Билл Смит ждет сессии. Двенадцатый вызов, мэ, – вежливо произнес айти-секретарь в ее голове. Лиз сжала челюсти. Разговаривать надо было. Но ей казалось, что если она услышит голос старика, то немедленно умрет. Тромб оторвется, или аневризма лопнет, или рак-факел сей момент сожрет ее некрупное тело.

– Мэм? – снова вопросительно проговорил секретарь. – Тринадцатый вызов, мэ.

Малкин утвердительно прикрыла глаза, и увидела лицо Билла.

–Дома? – произнес он после недолгого молчания. Лиза снова утвердительно кивнула, прислушиваясь к себе: пока жива.

–Ну хорошо, что дома. Зря уехала, кстати.

–Билл, – голос хрюкнул, не желая поддаваться, но она взяла себя в руки. – Надо встретиться, Билл.

–Конечно. Я и говорю, Лиззи – ты зря от меня уехала. Лучшего места...

–Через 2 часа, у «Пекаря», – не дала она ему договорить и отключилась. Посидев несколько минут с закрытыми глазами, Лиза снова обратилась внутрь себя.

–Личный кабинет.

Теперь она сидела за столом в синей комнате, напротив нее расположилась милая служащая в такой же синей униформе.

– Я вас внимательно слушаю, мисс Малкин.

– У меня вопрос.

Лиза помолчала. Девушка смотрела на нее приветливо и ждала.

– Вот этот корабль...

– Корабль мечты? Вы затребовали четыре повтора рекламы сегодня.

– Да. Корабль Мечты. Что вы можете сообщить об этом туре?

За спиной у девушки возникло изображение корабля. По ходу ее рассказа изображение менялось, подчеркивая те детали, о которых шла речь.

– «Корабль мечты», пилотируемый космический корабль класса FR-W, совершает один круг вокруг планеты Земля. Продолжительность полета 6 часов на высоте 10000 км. Это самая высокая орбита для туристических маршрутов. Также во время полета производится выход в открытый космос в прозрачной сфере, пилотируемой шаттлом на расстояние 10 км от корабля. Выход в сфере длится 45 минут. На корабле вам предоставляются условия класса супер люкс, комната отдыха и индивидуальные комнаты. Команда осуществляет персональную поддержку каждого пассажира. Также предусмотрены легкий завтрак и фуршет.

На борту команда 6 человек и пассажиры 15 человек.

Вылет состоится через 5 суток. Октябрь, 17, 2043. Космодром Окленд Хайтс, округ Сан Франциско, СА.

На данный момент осталось 3 билета, оформление одного из них происходит в текущую минуту по параллельному каналу.

Лиза снова помолчала, осмысливая услышанное.

– И как можно приобрести этот билет? – слегка кашлянув, спросила она.

– Одну минуту. – Изображение корабля на стене пропало. Комната снова стала ровного синего цвета. – По вашему финансовому состоянию на текущий момент, вы можете приобрести билет в случае продажи вашей студии на Вест Стрит. Если сегодня осуществить продажу, то после покупки тура останется сумма, достаточная для двухмесячной аренды студии в Милуоки, где сейчас открыта соответствующая вашей квалификации позиция в фирме, в которой вы работаете последние 7 лет. Если ваше резюме будет немедленно выслано в HR и перевод одобрен, то в течение 4 часов будут осуществлены и продажа студии, и аренда по новому месту жительства.

Девушка смотрела на нее выжидательно и улыбалась.

Малкин замерла.

– Где это, Милуоки?.. – выдавила она, наконец.

На стене возникла карта США. Милуоки и окрестности были обведены красным.

– Город Милуоки находится на территории штата Висконсин, население 500 тысяч человек, средняя температура июля 79F, средняя температура января 16F. Самый снежный месяц январь, самый дождливый июнь...

– Хорошо, я поняла... Я должна подумать...

Лиз прикрыла глаза. Полететь. Все изменить. Новое место, новые люди.

«Да какие, к дьяволу люди, с кем ты вообще последний раз общалась, кроме Билла? Этот вакуум, в котором ты существуешь последние годы, разве он зависит от географии?»

Раньше, до поглощения ее бизнеса крупной компанией, были знакомые. Была подруга Джил, которая на собственной веранде выращивала маленькую хлопковую плантацию из сверх дорогих и сверх недоступных живых семян. Были Колин и Джейн, владельцы ткацкого станка, на котором собственноручно изготавливали эксклюзивные ткани для кукольных нарядов. В конце концов, были закупщики, заказчики. Немного, человек 7-10, но живые, конкретные

люди. По их эскизам Лиза делала своих кукол, уникальных, абсолютно натуральных, без малейшего намека на синтетические материалы, 3 Д принт, генные модификации. Ее деревянный Петрушка, одетый в хлопковый комбинезончик, расписанный красками на натуральной основе, был воплощением красоты, здоровья и нес аромат той, прежней, до-чиповой жизни человека, стоил космических денег и не имел аналогов и конкуренции. В каждую из кукол Лиза вкладывала всю свою фантазию, заботу и детскую привязанность к своей первой кукле Нэхаме, которой в своем невероятно, как теперь ей казалось, далеком детстве Лиза Малкина шила платья из старых пеленок и заплетала тугие синтетические косички. Позже, когда выживать в бизнесе стало невероятно трудно, ей пришлось подписать контракт с фирмой-монополистом, собравшей под своим крылом всех оставшихся мастеров, владевших уникальными ремеслами и способных творить нечто лично окрашенное и немедленно теряющее свою ценность в массовом производстве. Лиз подписала шикарный контракт и в тот же миг провалилась в абсолютную пустоту. Теперь все ее общение с себе подобными было сведено к паре -тройке сообщений в месяц: принятии заказа, расчетов, эскиза и непосредственной сдачи очередной куклы через работа-доставщика. Все. Устная речь больше не звучала, даже в виде внутреннего голоса. И ранее немногочисленные бизнес- подружки рассосались. Нового общения не возникало. Вокруг Лиз поселилась полная звенящая тишина.

–Зачем мне ехать в Милуоки? Моя работа не подразумевает выездов.

–Мы начали с другого, мисс Малкин, – неожиданно душевно для программы, проговорила девушка. – В Милуоки самое хорошее предложение по аренде после продажи студии. Также существует значительная разница в налогообложении, стоимости обслуживания помещения, продуктовой корзины, медицинского страхования. Вы можете все тщательно обдумать, но бронирование второго билета стартовало в сети.

–Хорошо. Начинайте!

Лиза резко поднялась с кресла, при этом видеть свою собеседницу продолжала в прежнем ракурсе. «Явно нужен новый софт. Надеюсь, этот разберется с покупкой-продажей без сбоев» – подумала она.

–Спасибо, мы начинаем выполнять задачу. Отчет о приобретении билета поступит вам через 4 часа.

–Стоп.

Изображение пропало. Лиза обвела взглядом студию. Маленькая, невзрачная. Кухня – панель минимальной по размерам модели. Система «Хаускипинг» 2035 года частенько не желает реагировать на элементарные приказы. Как она радовалась тогда, приобретя эту студию. Через год после развода она уже имела свое жилье после стольких лет аренды. На студию ушел родительский 5 спальный дом в Нетанье, большой дом мужа в Брэнтвуде, и все ее сбережения за 20 лет. Остатки по кредиту Лиз старалась выплатить как можно скорее. Самое грустное, что с момента приобретения этой студии цены на жилье в Сан Франциско стали стремительно падать, люди покидали грязные улицы, офисы вымирали. Чип, вживленный в височную долю, убил необходимость кучно взаимодействовать в стеклянных высотках Даун Тауна, гнить в многочасовых пробках, которые последнее время стали образовываться даже на воздушном уровне транспортных магистралей. Город опустел, население стремительно раскупало жилье, расположенное как можно дальше от тоскливого серого бетона и вони помоек. Люди селились далеко друг от друга, устав за долгие века от необходимости учитывать интересы соседа. Цены на дома росли, квартиры в городе пустели, а Лиза Малкин выплачивала невероятных размеров кредит на мизерную студию в умирающем великане-мегаполисе.

Ну что ж. Пусть будет Милуоки. Если этот полет даст ей ответ на все вопросы, то оно того стоит. В голове тихо блякнуло, система отчитывалась о каждом шаге в сложном многоступенчатом процессе приобретения билета на Корабль Мечты. Лиза посмотрела на себя в старое тусклое зеркало в тяжелой раме. Кожа бледная, взгляд болотных глаз тоскливый, брови

и ресницы еле угадываются на узком лице. Только спиральки ярко-рыжих волос, тугие, золотистые, неумемные, выдавали энергию и жизненную силу хозяйки. «Кукла Нэхама», – грустно подумала Лиза и вышла из дома.

2034

В Крыму было холодно.

Обычно в конце апреля уже можно купаться, а сейчас дул пронизывающий ветер, и 12 градусов тепла превращались в 5. Григорий мучился. Он мучился все то время, пока находился здесь, мучился и душой, и телом.

Погода стояла отвратная, работы по оснащению «Венеры» шли медленно, организовать процесс переоборудования удалось только за три недели. Дальше пошло в том же духе. То не было необходимой техники, то оказывалось, что напечатанные на принтере модели не соответствуют параметрам, то Тамерлану в голову приходила очередная сверх идея, как сделать лучше, когда предыдущий вариант был практически готов, и они все начинали заново. Огромные проблемы возникли с установкой системы автоуправления с земли. Шаттл настолько отличался от модуля, на котором летали в космос козочки, что некоторые части системы просто невозможно было зафиксировать на «Венере». Полет предполагался на расстоянии около 10000 км от земли, при том, что последней безопасной границей для возвращения считалось 2000 км. Хотя еще совсем недавно дальше 600 км не летали. Радиация ионосферы в принципе не предполагала прохождения шаттлов с защитой уровня «Венеры».

С Анной они говорили всего один раз. Было утро, он собирался улетать, копясь в своем немногочисленном барахле. Анна спустилась вниз и молча делала себе утренний коктейль из чего-то органического и необходимого для женского организма. Выглядело необходимое мерзко. Они словно не замечали друг друга. Григорию снова свело мышцы. Он сел на стул и попытался втянуть в себя воздух.

–Аня, – проговорил он неожиданно для самого себя. Анна повернула к нему голову. Видимо, она прочла на лице у капитана что-то такое, что заставило ее выпрямиться на стуле и замереть, не донеся до рта стакан.

–Аня, – подняв на нее глаза, проговорил он снова, – я люблю тебя.

И снова тишина, эта проклятая тишина. Жена сосредоточено посмотрела на него, а потом встала и медленно подошла к нему вплотную. Григорий рывком встал на ноги, заглядывая ей в лицо. Она давно не была так близко. Вдруг в нем ожило все, каждый миллиметр тела. Он почувствовал, что дурет, что упадет в обморок, если не обнимет ее. Он качнулся к ней, но она резким движением перехватила руку, сжав пальцы.

–Гриша, – проговорила она и осеклась. Потом снова открыла рот, чтобы что-то сказать и опять передумала. Положила вторую руку ему на щеку, слегка погладила и отошла. Григорий остался стоять, приклеенный к полу. Пятна перед его глазами собирались в чудовищные танцующие рожи монстров и показывали ему красные вытянутые языки.

–Удачи вам всем, расскажешь, как получилось, – отхлебнув свое пойло, кивнула она мужу.

Григорий стоял на том же месте, следя за движениями ее шеи, рук, за тем, как движется ее гортань, когда она пьет. Смотрел на нее с каким-то новым для себя ощущением. Так иногда неожиданно видишь привычную тебе комнату, в которой прожил много лет, снова такой, какой увидел ее впервые. Вроде все то же самое, а то ли свет другой, то ли предметы другого размера.

Анна изменилась. Она была по-прежнему волнующей, но совершенно новой. Орлиевский почувствовал страх. Животный, как при землетрясении.

–Ты откуда летишь, из Барселоны? – спокойно спросила Анна.

Он кивнул, звуков в горле не было. Она еще раз подняла на него глаза и сразу отвела взгляд. Орлиевский взял рюкзак и быстро вышел к беспилотнику. Через 15 минут он будет в Барселоне, сядет там в пассажирский шаттл и еще через 40 минут приземлится в Крыму.

С тех пор они не общались.

Один раз Орлиевский было начал вызывать ее, но прервал сигнал. Сенсор, прилепленный за ухо, проводил сигнал прямо в мозг и в нервные окончания, так что голос Анны должен был зазвучать непосредственно в черепной коробке капитана, а это было уже слишком. Несмотря на все сложности, требующие предельной концентрации, ощущение присутствия жены, ее запаха и тепла и так было постоянным, навязчивым и не дающим сосредоточиться.

Сложности возникали постоянно. Тамерлан и Григорий уже третьи сутки проводили в сборочном цеху – огромном белом ангаре, по которому, тихо жужжа, передвигались роботы и несколько молчаливых азиатов, суесящихся вокруг готового к установке оборудования для «Венеры». Один из роботов, устанавливающих систему контроля с земли, нелепо и трогательно замер у шаттла, не в силах прикрепить очередной сенсор к обшивке. Всем своим унылым видом этот небольшой параллелепипед вызывал жалость. Он уже множество раз пытался увязать расчеты Тамерлана с реальными параметрами «Венеры», но действительность оказалась жестока к его запрограммированному сознанию. Робот застыл, не решив задачу. Рядом с ним топтались Магометов, Орлиевский и Родригес.

– Это стандартно не решается, – прервал молчание Родригес. – Придется плюнуть на автоматику и прикручивать руками.

– Ага. Долото и шуруповерт наше все, – мрачно протянул Тамерлан. – И кто это делать будет? Этот? – кивнул он на параллелепипед. – Или тот? – он указал на невысокого рабочего с грустными глазами. – Ты понимаешь, что все расчеты в программе. Что как только я делаю шаг за пределы кодов, нужен новый софт. Потом оказывается очередная нестыковка, и так по кругу.

– Вставай за кульман и рисуй, – хмыкнул Григорий. – Ты карандашиком набрасаешь, а Адэхи тебе присверлит наживулечку. А, Адэхи, припаяем?

– Припаяем, – без улыбки ответил индеец. – А потом оно отлетит все к чертям при взлете, и будешь пешком садиться... по азимуту.

Они замолчали. Разница между экспериментальным модулем и «Венерой» была настолько велика, что все оборудование приходилось усовершенствовать до принципиально новых решений. И риски повышались в сотни раз.

– В конце концов, Тамик. Что сейчас главное? Подстраховаться по всем фронтам. Известно, как корабль себя поведет в экзосфере.

– Меня смущает одна вещь, – проговорил Родригес.

– Только одна? – съязвил капитан.

– Масса шаттла. Что произойдет с управлением после того, как мы обвесим его всем этим снаряжением? Выдержит система жизнеобеспечения? Ты просчитал все это, или тебе для этого тоже нужен новый софт?

– Просчитал, – серьезно ответил Магометов. – И все это как раз решаемо. Меня волнует другое. Радиация. И высокая вероятность магнитных бурь.

Робот снова зажужжал и подъехал к шаттлу. Тут его тельце стало подниматься на раскладных ножках, которые росли на перекрестьях, поднимая механизм вдоль обшивки. Достигнув желаемой точки метрах в 30 от пола, робот предпринял очередную попытку установить сенсор. Вдруг Родригес щелкнул пальцем, под кожей которого были установлены его собственные сенсоры управления чипом, и робот замер на своих раскладных ногах в метре от шаттла.

– Кажется, есть идея, парни. – сказал он. – Вызывайте Картера.

Солнце, прорвавшись в щель древних жалюзи, нещадно било Джерри в левый глаз.

Он пытался отмахнуться он луча, словно от осы, повертелся в кровати, натягивая на себя одеяло, и проснулся окончательно. В комнате стоял полумрак, а за окном жила яркая праздничная весна, настолько контрастирующая с тусклой комнатой, что Картер резко встал с кровати и быстрым движением открыл жалюзи.

«Рай земной», – пронеслось у него в голове. Молодая, светло-зелёная листва, пение птиц, пронзительно голубое небо. Все-таки в отличие от Техаса, в котором Джерри родился и рос, времена года в странах с континентальным климатом имеют настолько яркие отличия, то Джерри каждый раз наслаждался всей душой. Весна в Москве, завладевшая этим гигантским городом-страной сразу, как сошел грязно-черный снег, заставляла поверить в светлое будущее самого унылого декадента. А Джерри Картеру до звания Самого Унылого все-таки было еще далеко, хотя последнее время по его собственным ощущениям он стремительно к нему приближался.

Все шло вяло, без огонька. Не то чтобы плохо или совсем наперекосяк, но как-то уныло и тянуло душу Картера в ближайший кофе-шоп за косячком. Благо светлое и мудрое влияние Голландии распространилось уже и до чопорной Москвы, но Картер подозревал, что это не лучший выход для лейтенанта военно-воздушных сил, героя войны, пилота военно-транспортных космических кораблей класса А. Но, тем не менее, после ярких, хоть и трагических, военных событий его служба на ТАКА на Московской базе плелась все тягостней и тягостней для Джерри. Рутинная, поглотившая его будни, была ему невыносимей моджахеда с пулеметом. Джерри тосковал, все чаще заходил в соответствующие заведения не столько для приобретения необходимого товара, сколько для приятной беседы с близкими ему на этот час по духу людьми, заводил драматические, тягостные романы с замужними женщинами, угрожавшими ему суицидом или кастрацией, хамил начальству и играл с репутацией на работе в голодные игры. Не помогало ничего, веселее не становилось. Он уже начал впадать в реальную, а не выдуманную депрессию, о чем и сообщил своему другу Биллу Смиту во время очередной онлайн-вечеринки. Смит выслушал со вниманием, но быстро свалил, у него начинался длительный интересный проект, отвлекающий его от мучительного развода, проходящим со всеми прелестями вплоть до дележки детей, и ему временно было не до стенаний скучающего Картера. Картер собрался уже проклясть смывшегося Билли, когда перед его внутренним взором возникло лицо Тамерлана Магометова. В первый момент Джерри потряс головой, списав возникновение этого хорошо известного всем астронавтам образа на марихуанный угар, но, услышав вежливую просьбу самого Тамерлана переключиться на голограмму, щелкнул пальцами, переключая программу в чипе, и поверил в реальность происходящего.

Дальше произошли одновременно 2 вещи, поселившие радость и надежду в сердце пилота Джерри Картера. Во-первых, в Москву пришла летяще-свежая, ароматная весна, унеся остатки грязи, а во-вторых, Тамерлан предложил то самое Дело, по которому так тосковало сердце Джерри. «Пойди туда, не знаю куда». Мечта.

Естественно, он не размышлял ни минуты. На тот край вселенной, на этот – лишь бы прочь от регулярных пассажирских и транспортных перевозок. С тех пор, как все космические эксперименты стали проводиться с использованием биороботов, целый отряд таких, как Джерри, тихо тлел на надежных и высокооплачиваемых перевозках, мечтая хоть о какой-то экспедиции. Да хотя бы на Луну. «Хотя лучше на Сатурн», – привычно пронеслось у него в голове, как и всегда, когда он возвращался к этим мыслям.

Через час после звонка он уже пил белковый коктейль, услужливо поднесенный ему роботом-официантом в зале ожидания Московского, отделанного искусственным мрамором в традициях знаменитого московского метрополитена, аэровокзале. Коктейль, как и личный отсек, обустроенный с уютом московской квартиры конца 20го века, входил в бонусное обслуживание работников воздушных перевозок. Такой же комфорт был обещан и во время полета, и по

прибытию. Хотя и время в пути из Москвы до Барселоны на кораблях нового типа составляло не больше 40 минут, Джерри собирался воспользоваться своими привилегиями в полной мере.

В Испанию он прилетел в прекрасном настроении. Встретившись с остальными участниками проекта, Картер сильно удивился их мрачному, подавленному состоянию. Оба – и Орлиевский, и Родригес – были молчаливы и не излучали оптимизма. Разговаривал только Магометов. Как начал в такси из Барселоны, так и не замолкал все 20 минут полета до дома Орлиевского, находящегося на самой границе с Францией. Магометов не умолкал вплоть до появления этой странной жены капитана.

Когда Анна вошла в гостиную, душа Джерри пела уже намного тише. И дело было вовсе не в опасности задачи. Это скорее прибавляло эксперименту очарования. Удивляла гнетущая атмосфера, царившая в комнате. Лейтенанта не оставляло ощущение, что что-то заставляет этих двоих согласиться на эту затею. «Плохое начало», – подумал Картер.

И тут вошла эта женщина. Несколько вещей потрясли Джерри. Первое – ее красота. Второе – ее явная агрессия в его сторону, достаточно неожиданная для Картера. Ну а третьим был очевидный для Джерри сексуальный подтекст этой агрессии, и он готов был клясться на крови, что добром это не кончится. Все это пахло неприятностями похлеще кастрации или суицида. Связь, возникшая между двумя абсолютно незнакомыми людьми, была столь очевидна, что, как ни пытался он не поверить самому себе, чувство острого дискомфорта не исчезало. Как только его мысли возвращались к предстоящему полету, перед ним возникало лицо Анны. И это было очень плохо.

Одним словом, ожидая вестей в своей московской квартире, Картер уже не так лучезарно размышлял о ближайших планах. Единственное, в чем он был уверен, что в любом случае, будь даже это мероприятие трижды мрачным, заведомо обреченным и даже смертельным, это все равно лучше, чем регулярные рейсы ТрансАтлантического Космического Альянса.

Он стоял голый перед распахнутым окном и разглядывал двор с детской площадкой, желтым песком и пробивающимися одуванчиками. На скамейке у песочницы развалилась огромная пушистая кошка. Кристаллик чипа на ошейнике играл под солнечным лучом. Джерри потянулся, подставляя поджарое тело под струю весеннего воздуха. Радость жизни и предвкушение новизны возвращались к нему вместе с Московским солнечным утром.

Он уже размышлял, не позавтракать ли ему в центре, как в голове зазвучал Магометов.

–Доброе утро, лейтенант! Поговорим?

–Я голый. Давайте так, – прикрыв глаза и развалившись снова на скомканном одеяле, ответил Картер. Проводник в его мозгу изобразил улыбающееся лицо Тамерлана.

–Ну хоть лицо покажите, мне много не надо, – усмехнулся Магометов, и Картер подтвердил видеосигнал. Теперь эти двое ясно видели друг друга сквозь полуприкрытые веки.

–Как идет подготовка? – спросил Джерри. Тамерлан тяжело вздохнул, давая понять, что не все гладко, но и не трагично.

–Идет- идет. Но есть пара вопросов. Джерри, – проговорил он после секундной паузы. – Вы ведь летали на системе КП-6?

Джерри постарался расслабить вдруг напрягшуюся спину. Мини шатлы КП входили в нулевой доступ секретности, и сам факт доступа к ним подразумевал полное отсутствие пространства любой информации.

–Я понимаю, лейтенант, я все понимаю,– быстро заговорил Тамерлан. – Я не хочу спрашивать ни о чем таком, что может... смутить. Мне нужна одна единственная деталь.

–Какая? – сухо проговорил Картер.

Тамерлан замолчал. Он уже и так винил себе, что заговорил об этом в сети. Что вообще произнес это название – КП-6. Надо было немедленно закруглять разговор.

–Вы прилетайте-ка, Картер, – заговорил он совершенно другим голосом, медленно и вальяжно. – Не виделись давно, не говорили. Чаю с бубликами попьем...

Сначала Джерри решил, что Магометов спятил, потом пронесся мыслью по разговору, и пришел к точно такому же выводу. Все это заняло секунду или полторы.

–Бублики свежие? – с той же купеческой интонацией спросил он.

–Свежайшие, – кивнул Тамерлан, – вылетай, брат.

Джерри кивнул. Разговор был закончен. Через час он снова ехал на аэровокзал, пил коктейль и смотрел старые фильмы в телевизоре а-ля «Рубин». Только на сей раз его путь лежал на полуостров Крым.

Поселок Кастрополь мало известен как курорт, не то что Коктебель или та же Ялта.

Он был построен в 70ые годы двадцатого века вокруг нескольких домов отдыха, служивших прекрасной возможностью отдохнуть по профсоюзной путевке советскому рабочему человеку. Что такое профсоюзная путевка никто из членов команды шаттла уже толком пояснить не мог, но жилье, которое им предложили на время переоборудования «Венеры», их полностью устраивало. Строение пустовало, храня в себе дух и России, и Украины, всего того пост-модернизма, объединившего в себе архитектуру социалистических республик. Уже позже, в начале 2000х, поток отдыхающих тружеников сильно поредел, возрождающийся бизнес Украины попытался было обновить постройки, приблизив их к стандартам турецких отелей, но до конца довести начинание не успел, так как Крым уже вновь принадлежал России. Ну а с этого момента на полуострове уже стояли задачи посложнее ремонта старинных пансионатов. И только несколько лет назад, уже после войны и продажи Крыма, новая волна строительства захлестнула полуостров. Вся береговая линия была изрыта ковшами роботов-экскаваторов. Некоторые постройки сносились, некоторые перестраивались до неузнаваемости. Новые хозяева действовали быстро, слаженно, меняя облик Крыма, словно в игре-стратегии последнего поколения. Здание, в которое поселил команду Магометов, было одним из последних, незатронутых реконструкцией, но и ему оставались считанные дни. Но сейчас, весной 2034 огромная бетонная постройка с симметрично выступающими в сторону моря балкончиками-верандами, так и застыла на дороге в новый этап своей жизни, занеся ногу над пропастью между своим почти европейским прошлым и совершенно азиатским будущим. Тем не менее, вода, свет и туалеты работали, даже уровень комфорта в отношении поесть и поспать был вполне сносный. Иногда в коридорах образовывалась случайная фигура, так как некоторые комнаты все-таки были обитаемы. А в остальном – тишина, покой, уют. И полнейшая конфиденциальность, что особенно радовало Тамерлана.

Конфиденциальность была задачей номер один. При текущем уровне онлайн коммуникаций, защитить приватность даже собственного мыслительного процесса представляло определенную задачу, любые рабочие таблицы и программы немедленно занимали свое место во всемирном хранилище информации. А этого необходимо было избежать.

–Есть одна идея, – протянул Родригес. Они сидели вчетвером на пустом пляже, потягивали красное вино. Заушная клипса каждого в отключенном состоянии осталась в комнатах. И даже так полной уверенности в своем «одиночестве в сети» у Тамерлана не было.

–Какая? – он с надеждой посмотрел на Адэхи. Тот отхлебнул винца и шумно выдохнул.

–У меня есть старый ноутбук. – сказал он.

–И что? – Магометов нахмурил брови, пытаясь понять, что имел в виду Родригес.

–А то, что он в полном порядке. На нем последние Винды, все программы, что там положено. Нормальный софт. Ну не теперешний, конечно, но что-то делать точно можно. Короче, ему лет 8. Ну и он не в системе. То есть никакого доступа в личный девайс вне интернета тогда еще не было. Ну, какой-то уже был, но сейчас все уже в корне поменялось, не доберутся ни за что.

Все замолчали. Картер, только что вылезший из серой холодной воды, накинул огромное синтетическое полотенце, моментально впитавшее всю влагу с его тела. Даже трусы стали сухими. Орлиевский вдруг понял, что внимательно осматривает абсолютно сухого Картера, и ему стало неловко. Все-таки сложно даже за много лет привыкнуть ко всем этим штукам, подумал он.

Картер внимательно выслушал про ноутбук, прикидывая, возможно ли запустить на нем программы установки антенн и защиты а-ля КП-6 на «Венеру». Эта тема, то есть локационные антенны шаттла – разведчика и системы антирадиационной защиты, с которыми Джерри был весьма хорошо знаком, была основной в их переговорах, так как радиация так и оставалась проблемой.

–Где он сейчас? – спросил он у Родригеса.

–Кто? – не понял тот.

–Твой ноут. Есть к нему доступ?

–Он дома. Но можно попросить выслать. К вечеру будет.

–Проси. Пусть шлют.

Орлиевский пристально посмотрел на Картера. Тот утвердительно кивнул головой, словно отвечая на невысказанный вопрос капитана.

–Думаю, встанет, командир. Почти уверен.

Служба доставки сработала исправно. Правда, Родригес и не любил засвечивать в сети любые пароли, тем более личного пользования, но на этот раз дать координаты и открыть код в свое жилье пришлось. Уже через 4 часа робот доставщик подкатил в своей комнате Родригесу пластиковый сверток с «антикварным» личным компьютерным устройством. Ноутбук был тяжеленький, с большим плоским экраном и стертой сенсорной клавиатурой. Адэхи улыбнулся с нежностью, погладил бок ноутбука и, быстро вернув за ухо клипсу, немедленно заметил все шифры для доступа в свое тexasское жилище. После чего опять убрал ее подальше под подушку.

Картер скользил пальцами по компьютеру, напряженно вглядываясь в экран.

Уже несколько дней там что-то ярко мелькало, подергивалось, картинка то останавливалась на пару секунд, то снова напоминала осенний дождь за стеклом. Перед измотанными за эти бесконечные часы перед экраном глазами тряслись блестящие точки. Тамерлан, просидевший последние часов 5 в ожидании, встал за спиной Картера и громко дышал. Орлиевский с Родригесом сразу же сочли свое присутствие необязательным, и сейчас гуляли по ночному берегу. Картер же с Магометовым упорно пытались впихнуть суть программного обеспечения 2033 в компьютер 2025го. Пропасть, пролеглая между ними после выхода клипсы-сенсора с нейронным сигналом в 2029, превращала их задачу в цирковой фокус.

–Дохлый номер? – не выдержал Магометов.

–Не, не дохлый. Подождите-ка, шеф.

–То есть? – Тамерлан резко выпрямил спину, отчего немедленно и остро свело поясницу. – Получается, что ли?

Картер не ответил, продолжая скользить пальцами. Тамерлан стоял, переводя вопросительный взгляд с экрана на затылок Картера.

–Все! – выдохнул тот внезапно и откинулся на спинку кресла. – Есть.

Магометов, не веря своим ушам, заглянул в экран, впился глазами во множество странных значков, застыл так на пару секунд и резким движением обнял Джерри.

–Джерри! Ты гений! Как ты так все-таки?..– Закончить фразу не вышло от недостатка слов и переизбытка чувств.

–Ну все-таки я был не последним из выпуска, – ухмыльнулся Джерри с показным самодовольством.

–А что заканчивал? Ты разве не профессиональный пилот?

– Впоследствии профессиональный уже. А первое образование – программист, Колумбийский Университет, Нью-Йорк. Вот, поработал почти по специальности.

Картер встал, потянулся и сел на край стола.

–Смотри, шеф. Завтра я попробую установить все то, о чем мы оба думаем и так, как я это помню и знаю. Я там на КП-6 все это подробно изучил. Они ж не знали, что я в курсе, – ухмыльнулся он. – Все должно сложиться. Вопрос только в том, что несколько манипулирующий при установке системы защиты и главной локационной антенны должны делать люди. Роботов теперь не припашешь.

–Я понимаю, – кивнул Тамерлан. – Родригес справится?

–И Родригес, но больше надежды на наших китайских помощников. Спонсор клянется в их надежности, как ты утверждаешь?

–Утверждаю, что он утверждает, – протянул Магоматов.

–Ну и отлично. Я б не стал приглашать никого со стороны. Это будет очень броский запрос по специалистам. Нынче люди такого не делают вообще. Но если получится – то мы сделаем невозможное. Улетим и вернемся в полнейшей тишине и по новейшей технологии.

–Как думаешь, сколько времени возьмет еще?

Картер пожал плечами.

–Неделя, может, 10 дней. Не больше.

Магоматов кивнул, подошел к Джерри вплотную и с размаху пожал его руку. Тот ответил широкой улыбкой.

–Все, шеф, финишная прямая.

2045

Кэб появился немедленно после того, как она спустилась.

Лиза заскочила внутрь буквально на лету. Тихо играла музыка, и пахло дыней. Дыни Лиза не любила.

–Кафе «У пекаря», Бродвей, 9.

– С удовольствием, мисс Малкин, – тихо прожурчало в ответ, и беспилотник двинулся. Лиза постаралась принять удобную позу, но все никак не могла найти положение в этом «мини гробу», как она называла про себя беспилотные кэбы. Окон не было, только какие-то картинки морей и водопадов, хотя в одном из квази окон можно было следить за маршрутом. Она еще застала нормальные машины с окнами, люками, водителями, и при каждом удобном случае ублажала себя поездками в ретро тачках, хоть удовольствие это было недешевое, да и добираться до трасс далеко.

Поездка была утомительно долгой, кэб еле тащился по абсолютно пустым улицам, зависая буквально в паре метров над землей. Этот пешеходный полет казался ей издевательски бесконечным. Она не могла понять, почему нужно передвигаться с такой скоростью при полном отсутствии трафика и людей на улицах. Наконец, Лиза отодвинула дверь, и буквально вывалилась на тротуар.

–Бродвей 9, – прозвучало за спиной. Но она уже входила в двери пекарни.

Подобное кафе вполне могло существовать и в 2040, и в 2000, и в 1960 годах. Было в этом заведении нечто вневременное и ужасно уютное. За стойкой сидел самый настоящий продавец, кофе должна были приносить тоже живая официантка в фартучке, и изо всех сил пахло дрожжевыми булками. Никаких автоматов и принтерно –целлофановой еды. Стулья тоже не были прикреплены к столам и издавали громкий скрип и шебуршание при движении по полу. Посетителей не было. «Скоро и этот закроется», – тоскливо подумала Лиза.

Она уселась за столик у окна, продиктовала в сенсор–меню заказ, и продавец приветливо помахал ей в знак того, что заказ принят.

Она нарочно села спиной ко входу, чтобы не сверлить глазами дверь и собственные нервы. «Придет, никуда не денется», говорила она себе.

И действительно, довольно скоро Билл появился. Подошел сзади, положив ей на плечо единственную руку. Наклонился, поцеловал ее в щеку, удобно разлегся на стуле и устался на Лизу.

– Так и будешь молчать? – Через пару минут тишины спросила она, стараясь звучать максимально доброжелательно. Билл взял из рук девушки в фартучке большую чашку чая и сделал долгий глоток.

– Чай отличный. А корабль твой – дерьмо, – выговорил он, наконец.

Лиза молчала, пытаясь выбрать из тысячи слов только те, с которых можно было бы начать этот последний – а она была уверена, что это последний – разговор на их с Биллом главную вечную тему.

– Скажи мне, Билл, а какого это смотреть на самого себя?

– Где ты там увидела меня? – голос звучал глухо. Но он старался придать себе ироничный тон.

– Увидела. Я там увидела вас обоих. Тебя. Его. Точно такими, как встретила вас 28 лет назад. Я же не в маразме. Это именно вы. Только на 28 лет моложе. Снялись в выпущенной месяц назад рекламе.

– Полагаю, этой рекламе не менее года. Это все делается заранее, конечно.

– Ты издеваешься? – Малкин зашипела. А говорить надо спокойно. Спокойно. Медленно. Дышать.

– Итак. – Она отхлебнула сразу много кофе, поперхнулась, закашлялась, похмыкала и сделала еще один маленький глоток. Билл сочувственно наблюдал. – Итак. Давай сначала. Реклама полета в космос, в которой снят ты и мой 8 лет как покойный супруг. Оба в прекрасной форме и выглядите на 1000000 долларов. Это интересная загадка. Да?

– Я не очень понимаю, Лиззи, что тебе такое показалось. Может, ты удивлена тем, что...

– Нет, Билл, – резко перебила его Лиза, – Нет. Удивлена я была тогда, когда мой милый муж явился ко мне в Нетанью с воплями: наконец-то я тебя нашел, Мэг! И на мой ответ, что я не Мэг, досадливо махнул рукой и ответил: да знаю, знаю, Лиза, отвыкнуть трудно просто. Отвыкнуть! Вот в этот момент я просто сильно удивилась. А надо было не удивляться, а стиснуть его горло, и давить, пока он не выложит все до доньшка!!! И тогда бы вся моя жизнь не была бы похожа на этот вечный изломанный кошмар–вопрос: что такого я могла сделать для этого абсолютно незнакомого для меня человека? Где и когда мы встречались, и что вообще между нами могло быть общего? На каком именно изломе судеб мы могли, черт его дери, пересячься?! И какая я ему к чертям собачьим Мэг?!

Она замолчала. Тяжелые медленные вдохи и выдохи подкидывали ярко-желтый локон на виске.

– Так что сейчас я уже не удивлена. – Намного тише, медленнее, но еще жестче выговорила она. – Я обезумела. Я в истерике. И если на сей раз я не получу ответы на свои вопросы, кто-нибудь умрет.

– Боюсь предположить, кто именно, – дернул щекой Билл, хотя судя по его позе, смешно ему не было.

Лиза молчала. Она смотрела на кончик перчатки, натянутой на протез правой руки Смита. Он проследил ее взгляд и положил сверху левую руку.

– Он никогда меня не любил, да? – неожиданно жалобно протянула она.

– Он всегда любил тебя.

– Нет. Не любил.

– Ты ошибаешься, Лиззи, – мягко возразил Билл.

– Не ошибаюсь я... – Она помолчала, словно вспоминая что-то важное, потом резко мотнула головой, отгоняя остатки сомнений. – Я любила его, всегда. Как только впервые увидела... Мы были женаты почти 10 лет, а ушел он впервые уже через год. Помнишь, что он мне сказал? Сказал, что нельзя жить с женщиной только из чувства долга или вины. Прокричал это мне в лицо несколько раз. А потом добавил: «Ты не та, не та!» А я осталась. Думать осталась: чем же он передо мной виноват? Что он мне такое должен? И что это за «не та». – Она с нехорошей усмешкой посмотрела на Смита, призывая его оценить ситуацию. – А через неделю он пришел обратно, пьяный и мятый. Плакал, говорил, что не имеет права уйти. Что я такое сделала для него, а он, подлец, меня бросает. Он потом заснул, а я сидела рядом и физически ощущала свое сумасшествие. Оно накрывало меня, как туча. Уже сама не знала, та я или нет, – хмыкнула Лиз. – Стала подозрительной. Рылась у него в вещах, в контактах, устраивала просветительно-душещипательные беседы, требовала признаний. Мол, в чем виноват? А он уходил, на месяц, однажды на полгода. Кричал, что не может это терпеть, что чувство вины разрушительно... И всегда возвращался. И ничего не пояснял. И ты тоже ничего не пояснял. А я ходила к психологам, семейным, личным. В группы на терапию. Посетила экстрасенсов и ясновидящую. Пользы – ноль. И так 10 лет. Даже больше. Почти с первого нашего дня знакомства сплошная истерика, и моя, и его. Смотрел на меня порой, как будто пытался разглядеть что-то одному ему известное, и не мог. Орал, бесился. Почти ненавидел. А в результате все-таки ушел. Смог таки. – Она замолчала, глядя в окно. На улице было пусто, ни одного человека. – Последнее время мы и так почти не разговаривали. – проговорила она, все также отвернувшись к окну. – Его ничего не интересовало, кроме этого его, «Франкенштейна». Ты знаешь про него что-то? – Она вопросительно посмотрела Биллу в глаза.

– Понятия не имею. А ты?

– Врешь опять, – констатировала Лиза. – Знаю, что это что-то летающее. Вернее, он хотел, что бы оно как-то особенно летало, а не получалось. Подробностей я не знаю, он со мной не обсуждал. Так и жили: он в своих шаттлах и катапультах, а я в натальных картах. Но все равно не продержались...

Она снова замолчала. Ей казалось, что она говорит сама с собой, пытаясь в очередной раз понять, что же она упустила.

– Развелись, только мне легче не стало. – продолжила она тихо. – Я начала думать, может, проспала чего? В моем собственном прошлом могли таиться черные, неведомые мне провалы или тайны...

А потом он разбился. Разбился на испытаниях своего же собственного произведения! Почему-то решил, что он пилот. Я до сих пор не понимаю, как такое было возможно, кто разрешил ему лететь?! Мы уже несколько лет не были женаты, но я... Я не знаю, как я это пережила, Билл. Теперь он действительно ушел от меня, окончательно. Только вот дело в том, что он ушел, а я – то осталась. – В голосе Лиз отчетливо слышны были слезы, но Билл по-прежнему сидел молча, глядя в чай.

– Осталась вместе со всем, что он оставил мне в наследство, – продолжила она, кусая губы. – Уж лучше бы он оставил миллионные кредиты, чем эту неизвестность и пустоту. Понимаешь? Пустота в моей жизни, душе, будущем, даже прошлом. И не к кому уже было приставать с вопросами, и даже некого винить.

Она залпом допила остывший кофе. Билл сидел, не шевелясь и не говоря ни слова. Он знал все, о чем она рассказывала. Но ни разу еще не слышал этого рассказа от самой Лизы. Он всегда избегал именно этих подробностей и всегда был уверен, что рано или поздно они его догонят.

– Я продолжала размышлять, – снова заговорила Малкин. – И тут мне пришла очередная светлая мысль: может, это что-то связанное с его детством? Может, нас перепутали при рож-

дении?.. Может, он вырос вместо меня в богатой семье? Я когда-то любила романы. Это был новый виток безумия. И я наняла детектива.

Она сверкнула глазами, пытаясь понять, какое впечатление произвела на Билла. Тот хранил непроницаемый вид.

–Очень хороший профи, надо сказать. – продолжила Лиз, глядя на Смита в упор, – Знаешь, что он мне сообщил? Он раскопал его биографию на 30 лет назад. С учетом того, что я с ним знакома 28 из этих 30и, сильно он меня не побаловал. То есть подтвержденные фактами сведения об этом человеке были датированы всего двумя годами ранее нашей с ним встречи. В его файле были все необходимые для идентификации личности подробности, а на деле – липа. Все сфальсифицировано. Ни матери, ни отца. Ни где родился, ни где учился – ничего не подтверждается. А он точно где-то учился, кстати. Его знаниям можно было искренне позавидовать, уж поверь мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.